

КАВКАЗ

СКАЗКИ
КАБАРДИНСКОГО
НАРОДА

Сборник
Мария и Виктор Котляровы
Кавказ. Выпуск XXVII.
Сказки кабардинского народа

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66249334

Кавказ. Выпуск XXVII. Сказки кабардинского народа: Нальчик; 2019

ISBN 978-5-93681-149-4

Аннотация

Настоящая книга – наиболее полное издание сказок кабардинского народа на русском языке. Представлены именно кабардинские сказки, отобранные из целого ряда фольклорных сборников адыгских народов.

Адыгская сказка – уникальное явление, включающее в себя сказки о животных, авантюрные, волшебные, бытовые, кумулятивные (в последних диалоги или действия повторяются и развиваются по мере развития сюжета), небылицы, анекдоты. В настоящем сборнике многие из них представлены.

Широко известно высказывание М. Горького о сказке «Зайчиха, лиса и волк», как об «очень интересной». С последующим выводом: «Ценность национальных сказок увеличивается еще и тем, что в них зло везде побеждено. Это хорошее свидетельство о здоровье народа».

Сказочная традиция адыгских народов и, в частности, кабардинского отражает особенности их исторической судьбы, духовную культуру и мироощущение ее создателей, является серьезным подспорьем при исследовании своеобразия путей становления художественного самосознания народа, его поэтических представлений. Об этом пишет в своей монографии «Поэтика и стиль волшебных сказок адыгских народов» (М.: Наука, 1986) известный ученый Алла Алиева.

Тем, кто желает разобраться в поэтической системе адыгской сказки, надо обязательно ознакомиться с этим неординарным исследованием. Всем остальным – открыть настоящий сборник и начать увлекательное путешествие в мир сказок кабардинского народа.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Сказки кабардинского народа[1]	7
Приключения Тембота	7
Заур	16
Батыр, сын медведя	23
Как был наказан хитрый иныж	29
Куйцук и великаны	36
Разумная сноха	49
Чудесная цапля	54
Добряк и скряга	60
Трудовые деньги	69
Кузнечик	73
Черная лиса	78
Шакумций[2]	84
Небылица	89
Три совета	93
Как петух сварился	95
Комар-хвастун	100
Кто больше всех и сильнее?	102
Запасливый муравей	107
Куйцук и шайтан	109
Кто нужнее?	112
Тембот, благородный джигит	118
I	118

Конец ознакомительного фрагмента.

Кавказ. Выпуск XXVII. Сказки

кабардинского народа

© Издательство М. и В. Котляровых (ООО «Полиграф-сервис и Т»), 2019

© М. и В. Котляровы, составление, 2019

© Ж. А. Шогенова, оформление, 2019

Сказки кабардинского народа¹

Приключения Тембота

У одного славного джигита родился сын. Назвали его Темботом. Удивительный был этот мальчик – рос не по дням, а по часам. Через семь дней был он как семилетний, а через

¹ Печатается по изданиям: Кабардинские сказки. Пересказ для детей А. Алиевой. Нальчик: Эльбрус, 1974. Кабардинские народные сказки. Пересказ для детей А. Алиевой и З. Кардангушева. М.: Детская литература, 1977. Сказки адыгских народов. М.: Наука, 1978. Фольклор адыгов. Нальчик, 1979. Сказки и сказания адыгов. М.: Современник, 1987. Кабардинские народные сказки. Пересказ для детей А. Алиевой, З. Кардангушева, Т. Керашева, З. Аксирова, Б. Жанимова, А. Куантова, К. Балкарова, З. Налоева. Нальчик: Эльбрус, 2004.

семнадцать дней стал словно семнадцатилетний юноша. Видит отец, что растет у него необыкновенный сын и что уже пришла пора посадить его на коня.

Вот и говорит однажды отец Темботу:

Хочу я, чтобы ты выбрал себе достойного коня. Поезжай завтра к реке, к тому месту, куда приходят на водопой кони. Вырой неподалеку яму и спрячься в ней. Конь, который подойдет к реке последним, будет твоим. Как только он станет пить, ты подкрадись неслышно и вскочи ему на спину. Это не простой конь. Он захочет сбросить тебя, но ты держись.

Тембот так и сделал. Когда последний конь подошел к реке напиться, Тембот подкрался к нему и вскочил на спину. Чего только ни выделывал конь – он то взмывал выше туч, то кидался на землю, – но никак не мог сбросить седока.

Понял конь, что не сладить ему с Темботом, и заговорил человеческим голосом:

Я вижу, ты будешь славным джигитом. Клянусь, я буду тебе достойным конем!

Вернулся Тембот домой.

Теперь у меня есть конь – пришла пора испытать мою силу. Разреши мне отправиться в дальний путь, – сказал он отцу.

Ну что ж, поезжай. Пусть твой путь будет счастливым!

Снарядили Тембота по всем правилам, оседлал он своего коня и поскакал.

Едет-скачет, едет-скачет. Видит – мчится навстречу ему

джигит на сером коне. Поравнялись они, Тембот и спрашивает:

Куда путь держишь?

Слыхал я, что славный Тембот решил испытать свою силу. Вот я и хочу быть ему товарищем!

Так я и есть Тембот!

Поехали они вместе. Проехали немного. Видят – мчится навстречу им джигит на вороном коне. Поравнялись они, Тембот спрашивает:

Куда путь держишь?

Слыхал я, что славный Тембот решил испытать свою силу. Хочу быть ему товарищем!

Так я и есть Тембот!

Поехали они втроем и вскоре встретили всадника на белом коне. И этот всадник поехал вместе с ними.

Едут-скачут, едут-скачут, и подъехали они к какому-то аулу.

А в том ауле шел большой пир и состязание. Джигиты перескакивали на конях через огромные рвы и стреляли в игольное ушко. Тому, кто попадет в игольное ушко, князь обещал в жены свою дочь – красавицу красоты несказанной.

Товарищи Тембота вступили в состязание, да ничего у них не получилось. Не смогли они перепрыгнуть ров, не попали в игольное ушко.

Тогда решил попытать счастья Тембот. Натянул он поводья, и, словно птица, перелетел его конь через огромный ров.

Потом прицелился Тембот, пустил стрелу и попал в игольное ушко. Досталась ему прекрасная княжеская дочь.

Пригласил князь Тембота и его товарищей в кунацкую и угостил, как положено по обычаю кабардинцев.

Утром Тембот сказал своему первому товарищу:

Пусть прекрасная княжеская дочь станет твоей женой. Оставайся здесь, а мы поедем дальше.

Долго ехал Тембот с двумя товарищами, и, наконец, подъехали к какому-то аулу. Здесь тоже было большое празднество.

Князь этого аула обещал отдать в жены свою красавицу дочь самому ловкому и смелому джигиту.

В глубоком рву был разведен огромный костер, а на ровной площадке вкопан высокий столб. На верхушке столба торчала игла. Тот, кто перепрыгнет на скакуне через ров и попадет стрелой в ушко иглы, тот получит княжескую дочь.

Товарищи Тембота даже не вступили в состязание – очень уж глубокий был ров!

А Тембот решил попытать счастья. Он подоткнул полы своей черкески, трижды ударил плетью своего коня. Конь легко перескочил огненный ров. Пустил Тембот стрелу и попал в игольное ушко.

Князь пригласил Тембота и его товарищей в кунацкую и угостил по всем обычаям.

Утром Тембот сказал своему второму товарищу:

Пусть прекрасная княжеская дочь станет твоей женой.

Оставайся здесь, а мы поедem дальше.

Отправился Тембот в путь теперь уже с одним товарищем. Много ли, мало ли они проехали, кто знает, – добрались они до третьего аула. И здесь князь отдавал в жены свою дочь самому ловкому джигиту. Посреди двора был врыт высокий столб, а на верхушке столба был укреплен рог с хмельной махсымой. Тот, кто взберется на столб, снимет рог и спустится с ним, не пролив ни капли напитка, – тот победитель.

Многие джигиты хотели получить в жены прекрасную девушку, но ни один из них не смог даже до середины столба подняться!

Только Тембот сумел снять рог и спуститься с ним, не расплескав ни капли.

Князь пригласил Тембота и его товарища в кунацкую и угостил, как велит обычай.

Утром Тембот отдал девушку в жены своему третьему товарищу, а сам пустился в путь – теперь уже один.

Всякий раз, когда Тембот расставался со своим другом, он говорил ему:

Каждую пятницу пускай в небо стрелу. Если я буду жив, стрела вернется на землю и с нее потечет молоко. Если же на ней выступит кровь, значит, со мной стряслась беда. Тогда спеши мне на помощь. И еще запомни: моя сила – в моем мече. Если мой меч бросить в море, я погибну.

Ехал Тембот, ехал и приехал к развилке трех дорог. Там лежал огромный черный камень. На камне было написано:

«Поедешь прямо – будет тебе удача, поедешь налево – ждет тебя беда, направо поедешь – будет твой путь спокойным и безопасным».

«Я пустился в дальний путь, чтобы испытать свою силу», – подумал Тембот и поехал налево, по самой опасной дороге.

Слышит Тембот – скачут за ним следом всадники. Обернулся он и видит: догоняют его кровожадные дзаунежи – сыновья ведьмы Наужыдзы.

Быстро помчался Тембот, еще быстрее скакали враги – вот-вот догонят! Тогда Тембот неожиданно повернул коня навстречу преследователям, и не успели враги опомниться, как Тембот снес им головы. Взял Тембот их оружие и доспехи, навьючил на коней и погнал коней впереди себя.

Вскоре подъехал он к какому-то дому. Привязал Тембот коней к коновязи, а сам вошел в дом.

У очага сидела старуха Наужыдза, точила свой единственный зуб.

Входи, сын мой, гостем будешь, – ласково сказала коварная старуха.

Накорми меня, нана, я сильно проголодался! – сказал Тембот.

Старуха стала проворно готовить угощение, а сама думала о том, что этот славный джигит живым от нее не уйдет.

Стал Тембот есть, вдруг видит – словно молния блеснула за окном.

Скажи, нана, что это блеснуло? – спросил он старуху.

Это сияет дом, в котором живет красавица. Только тебе не увидеть ее, даже и не думай об этом!

Но я должен тотчас поехать туда! – воскликнул Тембот.

Ну, если ты не можешь не поехать туда, то слушай меня. Иди на морской берег и притаись в кустах. Каждый день из моря выходит морская свинья и ложится на песок. Когда свинья уляжется на песке, ты вскочи к ней на спину. Она бросится в воду, а ты крепко держись. Свинья перенесет тебя на другой берег, а там уже ты сам найдешь дом красавицы.

Сделал Тембот так, как сказала ему старуха, и очутился на другом берегу моря. Вошел он в дом и увидел девушку необыкновенной красоты.

Обрадовалась девушка, увидев Тембота, с первого взгляда полюбился ей статный джигит. Вскоре они поженились.

А тем временем старуха Наужызда ждет-пождет своих сыновей. Вышла она во двор, увидела связанных коней и поняла, что ее сыновья погибли от руки Тембота. Решила Наужызда отомстить Темботу.

Бросила Наужызда свой платок, и перекинулся через море железный мост. Перешла она море по тому мосту. Надела старуха на себя всякое тряпье, приняла облик доброй женщины и пошла к дому Тембота. А он как раз возвращался с охоты. Видит – сидит на земле старушка, оборванная, худая.

Что ты здесь делаешь, нана? – участливо спросил он.

Нет у меня ни сына, ни дочери, некому приютить и накормить меня, – ответила старуха. – Возьми меня в свой дом.

Пожалел Тембот бедную старуху. Долго жила старуха в доме Тембота. Все к ней привыкли и почитали как старшую.

А Науждыза не забыла, что она пришла погубить Тембота. Выведала она у жены Тембота, что его сила находится в мече, а меч хранится в сундуке.

Если бросить меч в море, Тембот погибнет, – сказала жена старухе.

Улучила старуха удобный момент, выкрала из сундука меч и бросила его в море.

Наступило утро. Все поднялись, а Тембот спит и спит. Стали его будить – не добудятся. Горько заплакала жена.

А Науждыза злорадно смеется:

Это я лишила Тембота силы! Я кинула его меч в море. – Сказала так и вернулась в свой дом.

Тем временем три товарища Тембота жили счастливо и благополучно. Они помнили о своем друге и каждую пятницу пускали в небо по стреле. Всякий раз на стреле выступало молоко, и они были спокойны. Значит Тембот жив-здоров.

Однажды в пятницу пустили они свои стрелы в небо. Когда стрелы вернулись на землю, выступила на них кровь. Поняли друзья, что с Темботом стряслась беда и надо спешить ему на помощь.

Собрались они все втроем и отправились в путь. Приехали к развилке трех дорог, прочитали надпись на камне и решили, что Тембот мог поехать только по самому опасному из путей.

Поехали они по страшному пути и вскоре увидели курган, а немного дальше – убитых дзаунежей.

Всех их убил наш Тембот, – догадались они.

Приехали друзья во двор старухи Наужыдзы и увидели коня возле коновязи – тотчас узнали коня Тембота.

Добро пожаловать, сыны мои, будьте гостями! – ласково встретила их коварная старуха.

Где хозяин этого коня? – спросили всадники.

Отвечала им старуха, что Тембот переправился на другой берег моря и женился там на красавице.

Мы должны немедленно перебраться на тот берег! – решили друзья.

Переправились друзья через море. Вошли они в белый дом и увидели спящего непробудным сном Тембота. Горькими слезами плакала его жена-красавица:

Коварная старуха погубила Тембота! Это она бросила его меч в море!

Мы спасем Тембота! – воскликнули его друзья.

Вышли они на берег и до тех пор ныряли в море, пока не нашли меч.

Как только пристегнули меч к поясу Тембота, тотчас вздохнул славный джигит и открыл глаза.

Долго же я спал, – сказал Тембот.

А коварная Наужыдза лопнула от злости, когда узнала, что Тембот жив и здоров остался.

Заур

В одном ауле жил бедный старик. И было у него три сына. Далеко по Кабарде шла молва о храбрости старших его сыновей, а о третьем никто не говорил доброго слова.

Старшие братья часто уходили в боевые походы, а Заур дома оставался, носил воду, готовил еду. Много времени проводил Заур у очага, и старшие братья часто насмеялись над ним.

Была у старика одна-единственная кобылица. Никому старик ее не показывал. Сам чистил кобылицу, сам кормил и поил, а по ночам, когда все спали, выводил пастишь.

Однажды занемог старик и, чувствуя приближение смерти, позвал своих сыновей.

Должен я открыть вам одну тайну. Оставляю я вам в наследство одну-единственную кобылицу, равной которой нет на всем свете, – сказал старик. – Каждый год приносит она необыкновенного жеребенка, но в ту же ночь какой-то злодей похищает его. Ни разу за всю жизнь не смог я уберечь жеребенка. Вас трое, вы молоды и сильны, сумеете сохранить жеребят. Если у каждого из вас будет по коню от этой кобылицы, вам никто не страшен.

С этими словами старик умер.

Похоронили братья своего отца. Опечаленные, вернулись они домой. Наступил вечер.

Сегодня должна ожеребиться кобылица, надо уберечь жеребенка, – сказал Заур.

Я пойду в конюшню и уберегу жеребенка от злодея. Вор не уйдет живым! А когда я вернусь – чтоб меня ждал теплый чурек, – сказал старший брат, облачился в доспехи, взял острый меч и отправился.

Пришел он в конюшню, залез на балку и притаился с обнаженным мечом наготове. Долго сидел он, не спуская глаз с дверей. Всю ночь не смыкал глаз, а под утро сморил его крепкий сон. Проснулся старший брат, когда солнце уже высоко стояло, и видит: кобылица ожеребилась, а жеребенка и след простыл.

Не хотелось ему признаться, что проспал он жеребенка. Вернулся старший брат в дом и говорит:

Наш отец сказал неправду. Всю ночь не смыкал я глаз, но не видел ни жеребенка, ни вора. Видно, отец хотел, чтобы мы хорошо стерегли кобылицу, потому и придумал про жеребенка.

Прошел год, опять наступил срок кобылице принести жеребенка, и Заур сказал:

Братья, надо нам выполнить завет отца.

Я никому не позволю украсть жеребенка, а вора не отпущу живым! – сказал средний брат.

Снарядился он и отправился в конюшню.

Забрался на балку и сидит с обнаженным мечом.

В полночь кобылица принесла жеребенка невиданной

красоты. Залюбовался им средний брат. Вдруг распахнулась дверь, и в конюшню влетел иныж – чудовище с семью головами. Испугался средний брат, сидит не шелохнется. А иныж схватил жеребенка и убежал.

Стыдно было среднему брату признаться, что он струсил. Вернулся он домой и сказал:

Всю ночь не сомкнул я глаз, но не видел ни жеребенка, ни вора. Видно, на старости наш отец ослабел умом: кто пойдет красть жеребенка, которого нет на свете?

Прошел еще год, и снова пришло время кобылице принести жеребенка.

Теперь настал мой черед. Я иду охранять кобылицу, – сказал Заур.

Снарядился он и пошел в конюшню. Забрался на балку, обнажил меч, сверкающий, словно солнце. Наступила полночь, и принесла кобылица крылатого жеребенка – такой не снился Зауру даже во сне.

Вдруг распахнулась дверь, и в конюшню влетел семиглавый иныж. Он схватил жеребенка, но Заур спрыгнул с балки, ударил мечом – и отлетела одна из голов чудовища. Иныж бросил жеребенка, схватил свою отрубленную голову и убежал.

Не дождались старшие братья, пока вернется Заур, рано утром пришли в конюшню. Обрадовались они, когда увидели жеребенка, удивились мужеству Заура, но не стали хвалить младшего, а только насмешливо спросили:

А где же вор? Если ушло туловище, должна была остаться отрубленная голова!

Заур показал им кровавый след, оставленный чудовищем, и пристыженные братья замолчали.

Много ли, мало ли лет прошло, однажды Заур пас в ночном лошадей. Расстелил он свою черную бурку, прилег на ней, да не мог уснуть – крепко задумался.

Подошел к нему крылатый конь-альп, которого Заур когда-то спас от иныжа, и заговорил человеческим голосом:

О чем ты задумался?

Гложет меня печаль, – отвечал Заур. – В ту ночь, когда ты родился, от меня ушел враг, и до сих пор я не сразился с ним.

Я готов помочь тебе и разделить с тобою все лишения. Если ты окажешься настоящим джигитом, я буду для тебя достойным конем. Мы поедем в тот край, где живет иныж.

А как мы узнаем, где он живет? – встрепенулся Заур.

Там, где пролилась его черная кровь, вырос терновник.

Обрадовался Заур. Снарядился он, подтянул подпруги и вскочил на своего альпа.

Едет-скачет, едет-скачет, мало ли проехал, много ли проехал – кто знает – выехали они на опушку леса. Там стояла старая покосившаяся лачуга.

«Тут я переночую, а мой альп передохнет», – решил Заур.

Вошел он в дом.

Видит – сидит старушка, прядет шерсть.

Пусть никогда не угаснет огонь в твоём очаге, нана! – по-

здоровался Заур.

Кто может назвать меня наной? – обернулась старушка и заплакала.

Скажи, отчего ты плачешь, нана?

У меня нет никого, кто бы мог назвать меня матерью, – ответила старушка и заплакала еще сильнее. – Была у меня единственная красавица дочь, но ее похитил иныж. Вот уже три года, как я не видела живого человека!

Не плачь, нана, – успокоил ее Заур. – Я еду сразиться с тем иныжем и освобожу твою дочь.

Сын мой, тебе не победить иныжа. Никто из людей не в силах одолеть его. Самый быстрый альп будет скакать до его крепости тридцать дней и тридцать ночей. Крепость иныжа находится высоко в горах. Даже горные орлы, которые летают выше всех, не долетают до нее. Одна-единственная тропинка ведет к жилищу иныжа, – сказала старушка.

Пусть я погибну, но назад не поверну, – ответил Заур.

Ну что же, мой сын, если ты так решил, я помогу тебе. Одолеть иныжа можно только хитростью. Иныж спит семь ночей и семь дней подряд. Как только уснет иныж, ты посади на коня мою дочь и скачи во весь дух обратно. Проснется иныж и бросится за тобой в погоню. Возьми мои ножницы, зеркало и гребень. Они помогут тебе. Когда иныж станет наступать тебя, брось гребень, и позади вырастет колючий забор в семь рядов. Скоро опять станет догонять тебя иныж, ты брось ножницы, и позади поднимутся семь крепостей. Иныж

станет разрушать их, а ты тем временем скачи дальше. Когда иныж в третий раз будет совсем близко, брось это зеркало, и земля покроется скользким льдом. Иныж упадет, как только ступит на лед. Тут уж ты сам будешь знать, как справиться с ним. Счастливого тебе пути, – сказала старушка и проводила Заура.

Едет-скачет, едет-скачет Заур тридцать дней и тридцать ночей и достиг крепости иныжа. Высоко на горе стояла крепость. Загоревал Заур – как попасть ему в крепость?

Держись покрепче, Заур, я поднимусь на крыльях, и мы очутимся в крепости! – сказал ему конь человеческим голосом.

Ударил конь копытом, Заур глазом моргнуть не успел, как очутились они в крепости.

А в это время пришла пора иныжу заснуть на семь дней, семь ночей. Лег он в свою постель, но прежде чем закрыть глаза, оглядел жилище – и вдруг увидел Заура. Страшным голосом заревел иныж.

Не реви, злосчастный иныж, а принимай гостя как положено! Дай мне отдохнуть с дороги, – сказал Заур.

Он расседлал своего коня, а сам направился в кунацкую. Делать нечего, надо принять гостя!

Говорит иныж Зауру:

Отдохни с дороги, а я посплю, как обычно, семь дней и семь ночей.

Только захрапел иныж, Заур посадил красавицу на своего коня и пустился в обратный путь.

Едет-скачет, едет-скачет Заур. Семь дней и семь ночей минуло.

Проснулся иныж, видит – нет его гостя и красавица пленница исчезла. Понял иныж, что обманули его, и пустился в погоню. Дня не прошло, как он уже нагнал беглецов.

Вот уже совсем близко иныж. Но тут Заур кинул гребень, и перед иныжем вырос колючий забор в семь рядов. Начал иныж грызть-ломать забор, а беглецы тем временем далеко ускакали. Пробил себе путь иныж и опять погнался вдогонку. Слышит Заур, близко иныж.

Бросил Заур ножницы, и выросло перед иныжем семь неприступных крепостей. Пока иныж сокрушал крепости, беглецы тем временем далеко ускакали. Пробил себе путь иныж и снова кинулся вдогонку. Вот уж совсем мало осталось, сейчас схватит он Заура. Но тут Заур бросил на землю зеркало, покрылась земля скользким льдом.

Только иныж ступил на лед, шагу не шагнул – упал. Спешился Заур, вынул свой меч и снес шесть голов чудовища иныжа. А потом вскочил на своего альпа и поскакал вместе с красавицей к нане.

Взял Заур ту красавицу себе в жены, и живут они счастливо до сих пор.

Может быть, ты видел их большой дом на краю аула?

Батыр, сын медведя

Было это давно. В то время росли на горах Кавказа леса густые и дикие. Никто не рубил их. Когда поднимался ветер, могучие деревья шумели так, словно все горные реки вышли из берегов.

Жили тогда в одном ауле муж с женой. До старости дожили, а детей у них не было. И вдруг родился у них мальчик!

Что прежде всего нужно маленькому человеку? Колыбель. Задумали старики сделать колыбель из бука. Взяли они сына и пошли в лес. Положили его на опушке, а сами забрались в чащу – искать самое лучшее дерево.

Пока бродили они по чаще, вышел на опушку Медведь, схватил мальчика и унес.

Вернулись старики, ищут, не могут найти своего сыночка. Горько заплакали старики.

Правду говорят, что беда не предупреждает о своем приходе. Приговаривая так, в слезах вернулись старики домой.

А мальчик рос в медвежьей берлоге. Медведь кормил его оленьим жиром да медом и назвал его Батыр – «богатырь» значит.

Стал мальчик быстро расти. За день он вырастал на столько, на сколько другие дети за год, и через семнадцать дней сделался он словно семнадцатилетний джигит. Видит Медведь, что его воспитанник растёт богатырем, и решил испы-

тать его. Вывел он Батыра из берлоги, подвел к огромной чинаре и говорит:

Вырви ее с корнем!

Взялся Батыр за дерево, сильно рванул. Дерево затрещало, но не поддалось.

Ты еще не богатырь, – сказал Медведь.

Опять стал он кормить Батыра медом и оленьим жиром и скоро снова вывел из берлоги. Подвел Медведь Батыра к огромной чинаре и говорит:

Вырви ее с корнем!

Взялся Батыр за дерево, но и на этот раз оно не поддалось. Снова отвел Медведь в берлогу своего воспитанника. Через год Медведь опять подвел Батыра к огромной чинаре и велел вырвать ее с корнем, а потом воткнуть верхушкой в землю.

В одно мгновение, словно щепку, вырвал Батыр столетнюю чинару и воткнул ее верхушкой в землю.

Вот теперь я вижу, что ты стал настоящим батыром, – сказал Медведь.

Вынес Медведь из берлоги тряпицу, в которую был завернут когда-то похищенный им младенец, и сказал:

Послушай меня, Батыр. Я вырастил тебя, но я не отец тебе. У тебя есть и отец, и мать. Они живут в ауле. Пойдешь по тропинке и придешь прямо в аул. Заходи в каждый дом, показывай тряпицу и спрашивай: «Чье это?» Тот, кто признает тряпицу, и есть твой отец.

Отправился Батыр в аул. Идет он по улице – с удивлени-

ем смотрят все на незнакомого юношу. Вошел он в дом – не признали хозяева в нем своего сына. Постучался в другой – тоже оказалось, что это не его дом. Обошел Батыр почти все дома – никто не признавал его своим. «Видно, ошибся Медведь, послал меня не в тот аул», – подумал Батыр. Подошел он к последней сакле, что стояла на самом краю аула, и постучал в дверь. Вышли ему навстречу дряхлые старичок и старушка. Показал Батыр тряпицу, которую ему дал Медведь.

Рассказал, как он в лесу рос, как Медведь его похитил и выкормил.

Ох и радости было у стариков, признали они своего сына! Устроили старики пир на весь аул да еще созвали гостей из ближних аулов.

Вскоре пошла по аулу молва о богатырской силе Батыра.

Дошла та молва до князя. Известно ведь, что князя трусливы и завистливы.

И задумал князь известить Батыра. А тут и случай подходящий нашелся.

В верховьях реки, из которой аульчане брали воду, поселился свирепый иныж. Лег иныж своим огромным телом в реку и оставил аул без воды. Стон и плач пошел по аулу. Приказал князь Батыру убить иныжа.

Отправился Батыр к верховью реки. Видит иныж, приближается не простой джигит – так смело шел Батыр. Открыл иныж свою пасть, хотел одним разом проглотить Батыра, да

не так просто было справиться с ним!

В одно мгновение бросился Батыр в камыши, стал срезать их и огромными охапками кидать в раскрытую пасть чудовища. До тех пор кидал камыши, пока не наполнил брюхо чудовища, а потом вскочил на иныжа верхом, схватил за уши и поехал на нем в аул.

Как увидели жители аула страшного иныжа, разбежались кто куда. А впереди всех бежал трусливый князь.

Батыр проехал по аулу на иныже, а потом убил чудовище. И все жители вернулись в аул.

Еще пуще возненавидел князь Батыра. И снова стал он думать, как известить героя. Думал-думал и придумал! Приказал он Батыру привезти из лесу дров. А в том лесу жили два злых-презлых кабана. Они держали в страхе все окрестные аулы.

Велел князь дать Батыру самый тупой топор, гнилую веревку, самую старую арбу, что будет разваливаться на ходу, и двух быков, которые убегут домой, едва только их распрягут.

Что было делать Батыру – нельзя ведь послушаться князя.

Взял он все это и поехал в лес.

Только распряг быков, убежали они домой. Взял топор, стал дерево рубить – отскакивает от дерева тупой топор. Бросил его Батыр, начал вырывать деревья руками, как учил Медведь. Вырвал он несколько огромных деревьев, на арбу положил, а она тут же развалилась. Хотел связать деревья веревкой – веревка порвалась.

Пришлось Батыру тащить деревья на себе. Только тронулся он в путь, как выскочил из чащи дикий кабан. Обрадовался Батыр.

А я думал, ты в аул сбежал! – сказал он, схватил кабана и навалил на него деревья.

Проехали немного – выскочил из чащи и другой кабан.

Схватил Батыр и его, навалил деревьев, сам сел поперек и поехал в аул.

Так и въехал Батыр на кабанах прямо на княжеский двор.

Как увидели кабанов князь и его приближенные – со страху полезли кто на крышу, кто на дерево, кто на плетень и взмолились:

Ради Аллаха, уведи отсюда этих ужасных кабанов!

Не бойтесь их, они добрее вас! – ответил Батыр и отпустил кабанов.

Убежали они в лес, а Батыр свалил деревья и пошел к себе домой.

Снова стал князь думать, как бы известить богатыря.

Думал-думал и придумал: послал Батыра вспахать поле возле кургана, где жили семь братьев-иныжей.

Приказал князь дать Батыру шесть самых худых быков и старую соху – пусть помучается, а потом его съедят иныжи!

Приехал Батыр на поле, запряг быков, начал пахать. Разве были у тех быков силы тащить соху? Они не могли даже сдвинуть ее с места.

Крикнул на них Батыр изо всей силы, и в тот же миг при-

бежали иныжи. Сначала один, потом второй, третий, – собрались все семеро. Батыр недолго думая связал иныжей, запряг в соху и стал пахать.

Князь подумал, что иныжи съели Батыра. На радостях послал он своего унаута на поле взглянуть, жив ли Батыр или его уже нет.

Вернулся посланец князя и рассказал, что Батыр жив-здоров и пашет на иныжах да еще покрикивает на них.

Загоревал князь, что не удастся ему погубить Батыра. Решил он устроить пир, опоить богатыря, а когда он захмелеет – убить.

Устроили княжьи слуги большой пир. Приготовили семь кадок хмельной махсымы, зарезали семь белых быков с красными рогами и семь красных быков с белыми рогами да еще много жирных баранов.

Позвали на пир Батыра, поднесли ему огромную чарку хмельной махсымы.

Понял Батыр, что задумал князь недоброе. Вылил Батыр махсыму на землю, опрокинул все семь кадок – ручьями потекла по улице пенистая махсыма – и ушел.

Как был наказан хитрый иныж

Жыли-были в одном ауле три брата. От зари до зари трудились они: старший был пастухом, средний – кузнецом, а младший – пахарем. Да только не покидала их бедность: всего и было у них добра, что по одному козлу.

Решил старший брат, пастух, попытать счастья. Взял он своего козла и пошел куда глаза глядят. Долго шел он, и встретился ему иныж. Великан пахал землю на двух черных быках.

Пусть будет обильным урожай на твоём поле! – сказал старший брат.

Будь здоров, – отвечал иныж.

Не найдется ли у тебя какой-нибудь работы для меня?

Найдется работа, но с условием: будешь работать до тех пор, пока закукует кукушка, и выполнять все мои приказания не гневаясь. За это получишь пару быков. А если ты рассердишься, я вырежу из твоей спины три ремня и прогоню ни с чем. Если же я рассержусь, то я дам тебе одного быка.

На том и порешили. Иныж велел своему работнику пахать до вечера, а как стемнеет, выпрячь быков и идти за ними следом – они дорогу знают.

Сам иныж взял старого козла, которого привел пастух, и пошел к себе домой.

Весь день без отдыха пахал старший брат. А когда совсем

стемнело, он выпряг быков и пошел следом за ними к дому иныжа.

Когда старший брат вошел в дом великана, тот уже снял с очага котел с дымящейся козлятиной.

Догадался пастух, что иныж зарезал его козла, но виду не подал – помнил об уговоре.

Возьми поскорее скамью – да чтоб она была не деревянная, не каменная и не глиняная – и садись за стол, а не то я все сам съем!

Стал пастух искать скамью. Да где найти такую, чтоб была она и не деревянная, и не каменная, и не глиняная? Пока искал, сожрал иныж козла – даже косточки не осталось.

Хороший был козел! – сказал иныж, облизываясь. – Жалко только, что мало: хорошо бы каждый день съедать парочку таких козлов!

Сожрал моего козла, да еще и смеешься! – рассердился пастух.

А иныжу только это и было нужно: вырезал он из спины пастуха три ремня и прогнал со двора.

Согнулся пастух и поплелся домой. Увидала его жена среднего брата, кузнеца, и говорит своему мужу:

Ты все дома сидишь, а вон твой старший брат сколько заработал – еле несет!

Решил кузнец попытать счастья.

Взял он своего козла и отправился к иныжу. Нанялся он к иныжу, как и старший брат. И его тоже обманул великан.

На другой день вернулся кузнец согнувшись: и у него вырезал иныж со спины три ремня.

Теперь младший брат решил попытать счастья и наказать злого иныжа. Взял он своего козла и отправился в путь.

Встретил младший иныжа и попросился к нему в работники.

Иныж принял его с уговором:

Если будешь работать до тех пор, пока закукует кукушка, и выполнишь все мои приказания не гневаясь, получишь пару быков. А если рассердишься, я вырежу из твоей спины три ремня и прогоню ни с чем. А коли я рассержусь, то я дам тебе одного быка.

Согласился младший брат.

Дотемна пахал он, а как солнце спряталось за горы, выпряг быков и пошел следом за ними к дому иныжа.

Вовремя пришел младший брат: козел был уже сварен и дымился на столе.

Иныж и говорит:

Возьми поскорее скамью – да чтоб она была не деревянная, не каменная и не глиняная – и садись за стол, а не то я все сам съем!

Недолго думая скинул младший брат с головы шапку, уселся на нее и принялся за козлятину. Иныж кусок не съест – он уж три проглотит. Мигом съели козла.

Хороший был козел! – сказал иныж, облизываясь. – Жалко только, что мало: хорошо бы каждый день съедать парочку

ку таких козлов да без твоей помощи!

Был у меня один козел, и я привел его к тебе, – спокойно отвечал младший брат.

На другое утро иныж приказал своему работнику засеять поле. А сам подошел к волам и сказал:

Когда дойдете до середины реки, станьте как вкопанные и не трогайтесь с места.

Взвалил работник на арбу два полных мешка проса, поехал на поле.

Подъехали к реке. Вошли быки в воду, а когда добрались до середины реки, остановились – и ни с места!

«Видно, перегрузил я передок арбы и ярмо натерло быкам шею. Переложу-ка я мешки с просом назад!» – подумал младший брат.

Передвинул он мешки назад и сам на них сверху уселся.

Ярмо сдавило быкам шеи так, что быки едва не задохнулись! Нечего было делать – перешли они реку.

Весь день сеял работник просо. Когда солнце село, поехал он домой. Распряг быков и лег спать.

Пришел иныж к быкам, стал их бить: почему не выполнили они его наказ. Быки рассказали иныжу, что сделал с ними работник.

Понял иныж, что нелегко будет рассердить нового работника.

На другой день иныж послал его в лес за дровами и приказал быкам:

Когда подниметесь на гору, станьте и не двигайтесь. Разозлится работник и прибежит ко мне.

Приехал младший брат в лес, нарубил дров, нагрузил полную арбу. Когда поднялись быки на гору, остановились они – и ни с места. Устал работник за день, лег он на траву и отдыхает. Уж солнце зашло, вечер наступил. Быки заморились в упряжке, не выдержали и тронулись с места.

Опять не удалось иныжу рассердить своего работника.

Приказал иныж погнать быков на речку и хорошенько их вымыть и вычистить.

Пригнал работник быков к реке, прирезал их, освежевал, мясо вымыл и завернул его в шкуры. Потом вернулся к иныжу и говорит:

Пойдем, привезем быков!

Разве ты не мог пригнать их? – удивился иныж.

Ты велел мне хорошенько вымыть и вычистить их. Вот я и вычистил – и снаружи, и изнутри. Или, может быть, ты недоволен, хозяин, и сердишься?

Что ты, что ты! – сказал иныж и пошел за тушами быков.

Вечером приехал в гости к иныжу его старший брат.

Для дорогого гостя решил иныж зарезать барашка. Вот и говорит он работнику:

Ступай в овчарню и зарежь того барана, который поднимет голову.

Вошел работник в овчарню – все бараны подняли головы. Прирезал он всех баранов, а одного освежевал и приволок

к иныжу.

Пока этот баран будет вариться, давай сходим за остальными, – сказал работник.

Как, – закричал иныж, – ты зарезал всех баранов? Зачем ты это сделал?

Я выполнил то, что ты велел. Когда я вошел в овчарню, бараны подняли головы, и мне пришлось прирезать их всех до одного.

По твоей милости я остался и без стада, и без быков! – завопил иныж и затопал ногами.

И такая малость может тебя разгневать? – спокойно спросил работник.

Что ты, я нисколько не сержусь, – опомнился иныж.

Тихо во дворе у иныжа: быки не мычат, овцы не блеют.

Сидит иныж у очага, копается в золе, горюет о своем богатстве. А сказать ничего нельзя – таков уговор. И как отделаться от работника, не знает.

Попала зола иныжу в нос, и он чихнул – да так сильно, что работник залетел на чердак.

Не понял иныж, почему его работник очутился на чердаке.

Что это ты там делаешь? – спросил иныж.

Не растерялся работник, отвечает:

Закрою я сейчас окна-двери и расквитаюсь с тобою и за моих братьев, и за моего козла!

Испугался иныж – бросился бежать. А младший брат спу-

стился с чердака – и за ним!

Бежит, а сам изо всех сил кричит:

Держите разбойника!

Вдруг, откуда ни возьмись, лисица выскочила.

Помоги мне, рыжая, удержи иныжа, он от меня не уйдет живым! – кричит младший брат.

Как услышал иныж такие слова, еще быстрее побежал. И куда он делся, никто до сих пор не знает.

А младший забрал все богатства иныжа и разделил их поровну между своими братьями.

Куйцук и великаны

Жил, говорят, в одном кабардинском селении неприметный маленький человек с коростой на голове. Звали его Куйцук. Смеялись над ним односельчане:

Короста, короста,
Забавна ты просто.
Под солнцем ты сохнешь,
Под дождиком – мокнешь.

Коросту – заразу
Чеши пятерней, –
Излечишься сразу,
Несчастный больной!

Не было на селе человека, который не насмеялся бы над Куйцуком. А Куйцук не обращал внимания. Так и жили. И вот однажды напали на жителей семь огромных братьев-иныжей и похитили единственную дочь хана.

Хан разгневался, забегал по двору, затопал ногами. Послал слуг и стражников в погоню за великанами, но не догнали посланные никого. Тогда собрал хан со всего ханства джигитов, известных своею храбростью, и сказал им:

– Мир вам, люди добрые! Позвал я вас, находясь в великой печали: дочь мою, красавицу, умыкнули, увезли злые

иныжи! Кто выручит ее из беды, станет зятем моим и получит половину моего богатства!

Почти все согласились попытать счастья и, снарядившись, разными путями отправились в страну великанов. Только хану от этого легче не стало – ни один из ушедших назад не вернулся. Совсем хан опечалился. Велел повсюду объявить, что все ханство свое отдает тому, кто возвратит ему дочь.

Снова отправились люди на поиски, однако назад никто не вернулся.

Потерял хан надежду увидеть красавицу дочь живую, горе его одолело, – сидит во дворе, слезы льет.

А иныжи так приохотились бывать в той стране, что увозили ночами каждый месяц по одной девушке.

Решил Куйцук отомстить великанам за их злодеяния. Надел на себя суму с припасами, взял свою палку и, никому не дав знать, тайком ушел из селения. Шел он, шел и очутился в незнакомом густом лесу. Долго пробирался Куйцук по кустам, наконец, выбрался на поляну. Осмотрелся вокруг и увидел здорового детину, который пас зайцев. Одна нога у детины за пояс заткнута, а к поясу абра-камень привязан.

Куйцук подошел, поздоровался.

Да умножится твое стадо, уважаемый зайцепас!

Да пошлет тебе Аллах удачи, кунак! Пожалуй к нам – гостем будешь.

Пусть много будет у тебя гостей, – ответил Куйцук. – Спасибо. Слушай, смотрю я на тебя и не разберу, в чем дело:

пасешь ты зайцев, одна нога у тебя пристегнута к поясу и абра-камень привязан. Почему так?

Не успел Куйцук договорить, как поскакал пастух на одной ноге за зайцем, который от стада отбился, повернул его назад и подогнал к остальным. Потом ответил:

Это потому, гость, что если на двух ногах погонюсь за ко-соглазыми, сразу перегоню namного, а когда вернусь – разбегаются зайцы. Удобнее на одной ноге.

Понятно, – сказал Куйцук. – Слушай, я иду в одно место, может, пойдешь со мною?

И рассказал он зайцепасу, что идет в страну великанов отбивать у них девушек, которых они за год похитили. А если сумеет, то опустошит родину коварных иныжей.

Согласен. Давай хоть сейчас отправимся.

Пошли, – сказал Куйцук. – Не посчитай меня любопытным, но назови свое имя.

Меня Скороходом зовут, – сказал пастух. – А тебя?

Я – Куйцук.

Двинулись они в путь, не мешкая. Шли, шли и, пройдя третью часть леса, добрались до самой чащи. Тут они встретили человека, который занимался тем, что шутя выдергивал с корнем толстые чинаровые деревья, сплетал их между собой, словно конопляные веревки, и опять разрывал.

Да поможет тебе Аллах, лесной человек! – в один голос проговорили приветствие оба путника.

И вам удачи, добрые люди! Добро пожаловать!

Спасибо, но не сможем мы зайти к тебе в гости: далек и труден наш путь, – лежит он в страну иныжей! Может, пойдешь за компанию с нами?

Отчего не пойти? С радостью!

Да снизойдет на тебя милость Аллаха! Не сочти нас праздными и любопытными, но назови, лесной человек, свое имя.

Почему не назвать? Зовут меня Сильноруким. А вас?

Мое имя Куйцук, а его Скороходом назвали, – ответил Куйцук.

Пошли они дальше втроем. Шли, шли и, как до половины леса добрались, увидели человека, сидевшего у обочины дороги. Держал он в руках голубя и голубку. Вырвет перо из крыла у голубя – голубке воткнет в крыло, у голубки выдернет – голубю вставит.

Помоги тебе Аллах, незнакомец, – в один голос поздоровались путники.

Мир и вам, – сказал человек. – Добро пожаловать!

Пусть добро тебе наш приход принесет, но заглянуть к тебе в дом мы не сможем: идем в страну великанов. Мстить за злодейство хотим коварным иныжам. Может, отправишься с нами?

Почему не отправиться? Всегда рад я доброму делу помочь, да вот беда – компании не было!

Тогда пошли, – сказал Куйцук. – И не сочти мою просьбу праздной: назови свое имя.

Изволь. Зовут меня все Чудодеем. А вас?

Меня – Скороход.

А меня – Сильнорукий.

А я – Куйцук.

Познакомились они и вчетвером двинулись дальше. Шли долго, а когда выбрались из лесу, раскинулось перед ними большое озеро. В середине его сидел огромный верзила и одним здоровенным глотком всю воду из озера выпивал, а потом разом выплевывал ее обратно.

Помоги тебе Аллах, добрый человек, – в один голос сказали все четверо.

Будьте здоровы и счастливы, молодцы, добро пожаловать, гостями будете! – ответил странный человек и поздоровался за руку с каждым. – Назвал бы вас всех по именам, да не знаю, как зовут вас. А меня – Водохлебом!

Меня – Скороходом.

Меня – Сильноруким.

Меня – Чудодеем.

А я – Куйцук, – сказал Куйцук и добавил: – Такое дело у нас, уважаемый, идем мы мстить великанам за обиду великую. Может, с нами пойдешь?

С радостью, – согласился Водохлеб. – Только таких молодцов, как вы, мне не хватало, – сказал он так и одним махом осушил озеро. Взяли они его с собой и тронулись дальше.

Вскоре вышли путники на широкое поле и увидели, что на далеком краю его, где восходит солнце, слегка виднеется

над горами какое-то пятнышко. Оказалось пятнышко диким козлом, в которого стрелял меткий охотник, как раз когда все пятеро к нему приблизились.

Счастливой тебе охоты, стрелок, – сказали они все вместе.

Пусть все дни ваши станут счастливыми, – ответил охотник. – Добро пожаловать – добыча готова. А когда есть дичина – и обед будет.

Не грех и зайти, – сказал Куйцук. – Уже полдень.

Охотник пригласил гостей к себе в шалаш и говорит:

Посидите, меня подождите: схожу за добычей. Вернусь скоро.

Нет, уж лучше я пойду, – сказал Скороход.

Не успели развести огонь, а он уже вернулся, неся на плечах козла, которого подстрелил охотник.

Козла разделали, положили в котел и сварили. Куйцук вынул вареное мясо и разделил на семь равных частей.

Как так, Куйцук? – спросил Водохлеб. – Нас всего шестеро, а ты мясо на семь частей поделил?

Для нового гостя, Водохлеб, порцию приготовил, – ответил Куйцук, и только он проговорил это, как вошел в шалаш незнакомец и поклонился всем:

Пошли вам Аллах здоровья и радости, – сказал он. – Ты что же, Водохлеб, на мою долю позарился?

Привет тебе, пришелец, садись с нами и отведай козлятины, никто твоей доли не тронет, – сказали все, кроме одного Водохлеба. Встали и поздоровались с гостем за руку.

А от вареного мяса пар по шалашу пошел. Сели они и принялись за козлятину и остывшую пасту.

Вы, наверно, меня не знаете, – сказал гость. – Зовут меня Предсказателем. Знаю, что собрались вы на доброе дело, и решил с вами идти. Имена ваши мне известны: слышал, когда вы знакомились, только не знаю, какое имя к кому относится. Одного Водохлеба запомнил, потому что он на мою долю мяса позарился.

Откусил Предсказатель кусок козлятины и спросил:

Кто же из вас Скороход будет?

Поклонился Скороход и ответил, что его так зовут люди.

А кто Сильнорукий?

Я!

А Чудодей?

Я!

Двое осталось. Кто ж из вас Куйцук будет?

Я, – ответил Куйцук. – Одно плохо вышло. Видно, крепко мы проголодались, недаром говорят в народе: «Голод проймает – и родичей позабудешь», – не спросили мы имени охотника, который так щедро нас угощает.

Стрелком меня называют, – сказал охотник.

Пообедали они в шалаше, хорошенько отдохнули и снова отправились в путь. Вскоре и пришли в страну великанов.

Три огромных иныжа охраняли границу своих владений. Попробовали они преградить дорогу товарищам, да Сильнорукий каждому из них по два ребра переломил и велел по-

казывать путь к царю великанов.

Испугались иныжи и повели. На третий день показались стены неизвестного города. Подвели иныжи незваных гостей к владениям своего царя, доложили ему о пришельцах, а сами отошли в сторону. Царь великанов и приказал страже:

Скажите гостям непрошеным, чтобы во двор по одному входили. Как станут входить – хребет каждому переломите, и избавимся мы от них.

Услышал Предсказатель эти слова через стены и друзьям своим передал. Тогда предложил Сильнорукий:

Не тревожьтесь напрасно: я первым войду.

Согласились все, и пошел Сильнорукий первым.

Во дворе бросился на него великан, но силач так хватил его о каменную стену, что разом переломил пополам. Со всеми остальными он поступил так же. Поднялись путники по мраморной лестнице и увидели грозного царя иныжей.

Что пожелать тебе, царь? – сказали они. – Будь пока хоть хорошим хозяином.

Да пошлет вам небо здоровья. Добро пожаловать, гостями будете, – отвечал царь недовольно.

Раньше ответь нам, царь. Пришли мы сюда по делу.

Спрашивайте – отвечу.

Мы из той страны, которую грабили твои иныжи, – сказал Куйцук.

Та же участь и вас постигнет, – нахмурился царь.

Подожди, дай слово сказать, – не отступает Куйцук. – Ес-

ли перестанешь нападать на нашу страну и вернешь всех девушек, что великаны похитили, тогда мирно говорить станем.

Захохотал верховный иныж так, что ветер по полям прошел и чуть не сдуло маленького Куйцука.

А-а-ха-ха-ха! Только и всего? Задача нетрудная. Эй, люди!

Хлопнул иныж дважды в ладони так, что у Куйцука в глазах потемнело от шума:

Отведите гостей за стол и накормите!

Сбежались царские слуги и повели семерых в гостиную. Стены в ней были медные. Стол и кресла – тоже из меди.

Остались они в гостиной одни. Тогда сказал Предсказатель:

Знаю я, что он задумал. Напротив каждого из нас посадит по великану, и подсыплют они нам яду.

Едва успел провидец шепнуть, что замыслил хитроумный иныж, как поставили перед ними семь блюд с разными угощениями. А великаны вошли в гостиную со своей едой и сели с другой стороны стола. Тут Чудодей незаметно переставил тарелки. Проглотили иныжи по кусочку и застыли, как изваяния на медных креслах.

Великан-слуга, который к столу кушанья и питье подносил, передал обо всем царю. Разгневался тот, но опомнился и послал к гостям своего человека. Обратился к ним с речью посланец:

Решил наш мудрый царь, как делу помочь. Предлагает он вам потягаться с иныжами в беге, в еде и борьбе. Кто выиграет – тот победитель. Его желание будет законом. Одолеете великанов – исполнит царь вашу просьбу. А проиграете – сварит вас живьем и съест вместо обеда.

Мы готовы, – сказали Скороход, Водохлеб и Сильнорукий.

Приказал верховный иныж поставить посредине двора высокий помост, позвал туда гостей и сам привел семерых братьев силачей-великанов. Взошел на помост один из семи и заорал громовым голосом.

Начинайте! – распорядился царь.

Поднялся на помост Сильнорукий, обхватил иныжа вокруг пояса и вмиг переломил, как тростинку. Потом выпрямился и огляделся, будто ничего особенного не сделал.

Переломил он и второго иныжа, и третьего. Пятерых унесли с помоста без памяти, а шестой великан стал одолевать Сильнорукого. Тогда Чудодей тайком отобрал у иныжа силу и вдохнул ее в Сильнорукого. Поднял тот врага над собой и швырнул на землю так, что сломал ему все двадцать четыре ребра, как сухие хворостинки.

Когда вышел наверх седьмой великан – повесили друзья головы: огромен он был и страшен, а на шее, толстой, как у быка, мускулы горбом вздулись. Однако нечего делать, схватился с ним Сильнорукий. Задрожала земля вокруг. Вот уже поднял великан Сильнорукого, чтобы бросить на землю, а

Чудодей не зеваает – вдохнул он силу иныжа в тело Сильнорукого, а слабость его – в иныжа. Подогнулись у великана ноги. Тут Сильнорукий поднял его над головой и кинул на землю так, что разломилось страшилище на куски.

А царь сидит и наливается злобой. Но промолчал – велел начинать бега.

Выступил вперед длинноногий бегун великанов – в руках две бутылки держит. Стал рядом с ним Скороход. Должны были они добежать до места, где заходит солнце, и возвратиться назад. Не успели все оглянуться, как оба они пропали из глаз. Солнечный день утро сменил, потом покатилося солнце к закату. Шепнул Предсказатель Стрелку:

Одна из бутылок, которую держал великан, пьяной махсымой наполнена, а другая – водой. Разгадал я злой умысел: как добегут они до поворота, так отдыхать будут, – иныж воды напьется, а Скорохода махсымой напоит. Отяжелеет голова у нашего друга, ослабеют ноги и отстанет он от иныжа.

Глянул охотник в ту сторону и увидел, что Скороход положил под голову пустую бутылку из-под махсымы и спит себе крепко, а бегун великанов уже близко: третью часть обратного пути осталось ему пробежать.

Вскинул меткий стрелок ружье и выстрелил в бутылку, которая под головой у Скорохода лежала. Разбила ее пуля со звоном. Встрепенулся Скороход, оглянулся кругом и понял, в чем дело. Сбросил он с ремня абра-камень и помчался стрелой. Бежал, бежал – а соперника нигде не видно. То-

гда отстегнул от пояса вторую ногу и полетел быстрее ветра. Первым он возвратился назад.

Удивился запыхавшийся великан, прибежав последним: Как это ты обогнал? Я не видел тебя.

И я тебя тоже не видел, – засмеялся Скороход.

У царя иныжей лицо позеленело от злости, но промолчал он опять и велел продолжать состязание.

Вернулись все в медную гостиную. Посадили за стол иныжа и Водохлеба. Положили перед ними на огромных подносах два вареных вола, целые горы пасты и по бочонку бульона.

Все в один миг соперники проглотили.

Принесите им по паре буйволов, две подводы пасты и по два бочонка бульона! – крикнул царь.

Заволновались Куйцук и его друзья: разве осилит Водохлеб столько?

Положили на стол буйволов, пасту, поставили по два бочонка бульона.

Обжора-великан едва успел съесть одного буйвола и запить бочкой бульона, а Водохлеб свое все проглотил и у великана подобрал остатки.

Царь иныжей ушел, не говоря ни слова. Ушли с ним и великаны, чтобы по приказу царя разжечь огонь вокруг медной гостиной. Повиновались слуги.

Они хотят сжечь нас! – догадался Предсказатель. А медные стены и потолок уже начали нагреваться.

Вот тут и вспомнил Водохлеб, что недавно он целое озеро осушил. Стал он гостиную водой поливать: целые фонтаны изо рта бьют. До тех пор поливал, пока не кончился весь лес в стране великанов и не остыли медные стены.

Открыл царь иныжей медную дверь – а в гостиной семеро гостей сидят за столом как ни в чем не бывало.

Вы победили! – сказал он со вздохом. – Повторите мне вашу просьбу.

Повторить – не великий труд, – усмехнулся Куйцук. – Вот она, наша просьба: всех девушек, что у нас похитили, все добро, что награбили, – возвратите сполна. Сами земли эти покинете и забудете дорогу в наши края. Так мы хотим и на том стоять будем.

Помедлил с ответом царь: не хотелось ему соглашаться, но что было делать с людьми, которые в огне не горят? Пообещал он исполнить все, что они потребовали.

Освободил довольный Куйцук томившихся в неволе девушек, забрал добро, награбленное иныжами, и отправился в путь-дорогу.

Перед уходом свадьбы сыграли. Каждый из его друзей взял по любви замуж одну из девушек. Попрошался Куйцук с ними и вернулся в родные места. Встретили его с радостью и почетом. Взял Куйцук в жены дочь хана и зажил припеваючи. Построил дом на краю села, который и по сей день там стоит. Пользовался Куйцук большим уважением и почетом. Теперь уже никто не насмехался над ним.

Разумная сноха

Жил на свете хан. И был у него единственный сын. Пришла ему пора жениться, стал хан невесту для сына искать. В соседнем ауле жила девушка. По всей Кабарде шла молва о ее красоте и уме. Ее и посватал хан за своего сына.

По обычаю, положено было послать невесте подарок. Дал хан своим слугам-унаутам кусок парчи и велел отвезти девушке.

Приехали унауты, передали ей от хана поклон и богатый подарок. Приняла невеста подарок и видит: отрезали унауты себе немного парчи.

Поблагодарила невеста за подарок, щедро угостила, а на прощанье сказала унаутам:

Передайте хану такие слова: «Ради твоего сына, ради твоей невестки не наказывай твоих унаутов».

Вернулись унауты к хану и слово в слово повторили то, что им сказала невеста.

Понял хан, что слуги украли кусок парчи. Жалко было ему парчи, да не стал он наказывать унаутов. Хан обрадовался, что у его сына невеста очень разумная.

А ханский сын, которому досталась такая умная невеста, был круглым дураком.

Через месяц после свадьбы говорит хан своему сыну:

Собирайся в поход, сын мой.

Вот выехали они в дальний путь.

Едут-скачут. Едут-скачут. Изрядно проехали.

Говорит отец сыну:

Сын мой, перережь-ка дорогу.

Тотчас дурак спрыгнул с коня, вытащил шашку и давай рубить шашкой поперек дороги так, что пыль столбом!

Едут они дальше. Изрядно проехали.

Отец говорит сыну:

Сын мой, положи на дороге лестницу.

Спрыгнул дурак с коня. Туда-сюда поглядел – нигде нет лестницы. Недолго думая он сам улегся на дороге.

Не выдержал хан, разозлился, что сын такой глупый, и отстегал его плетью.

Дальше они не поехали, домой воротились.

Хан приказал слуге-унауту спрятаться в комнате сына и подслушать, о чем они с женой будут говорить.

Завтра утром ты передашь мне все, что услышишь, – сказал он.

Ханский сын пришел к своей жене опечаленный.

О чем ты задумался? Что с тобой приключилось? – спрашивает жена.

Собрались мы с отцом в поход. Поехали. Едем-скачем. Изрядно уже проехали. Отец говорит мне: «Перережь дорогу». Я тотчас спрыгнул с коня, вытащил шашку и перерезал дорогу этой шашкой как умел. Затем снова уселся на коня. Поехали мы дальше. Еще больше проехали. Отец говорит

мне: «Положи на дороге лестницу». Я тотчас спрыгнул с коня. Никакой лестницы нигде не видать. Тогда я сам лег на дороге, вытянулся во весь рост насколько мог. Да, видно, на старости лет отец ослабел умом: отстегал он меня плетью и повернул обратно. – Так жаловался ханский сын.

Вовсе не ослабел умом старый хан, – отвечала жена. – Мало он сек тебя, глупого. Хан сказал: «Перережь дорогу». И это означало: «Сойди с коня, отвяжи от седла припасы, давай отдохнем и закусим». Хан сказал: «Положи на дороге лестницу». И это означало: «Затяни-ка песню, хорошую ли, плохую ли, – путь скоротаем». Ты затянул бы, он подхватил бы.

Слуга-унаут подслушал этот разговор и все рассказал старому хану.

Порадовался старый хан, что сноха у него такая разумная.

Однажды говорит хан своему сыну:

Стар я уже стал. Последний раз схожу в поход, чтоб оставить внукам добрую память о себе, а там и на покой пора.

Снарядился он в поход. Долго ездил хан, много славных подвигов совершил. По всей Кабарде шла молва о храбрости старого хана.

Настала ему пора возвращаться домой. Едет хан по дороге, а навстречу ему отряд разбойников-абреков.

Давно уж ищем мы тебя, старый хан!

Много было абреков, не смог хан победить их. Видит хан – пришла его погибель. Пустился он на хитрость.

Отведите меня к вашему предводителю, – попросил хан.

Отвели абреки пленника к главному разбойнику.

Я владетель нескольких аулов, – сказал ему хан. – Много у меня богатств и разного скота. Мои люди ничего не пожалеют, чтобы выкупить меня из плена. Пошли трех верховых в мой аул.

Позвал предводитель трех разбойников-абреков, и хан сказал им:

Передайте моим аульчанам, что я попал в плен и велел им выполнить такой наказ: «Один столб в проходе у кунацкой подпилите, а два совсем свалите. Дайте посланцам сотню коров красной породы, но безрогих. Дайте сотню быков красной породы, но однорогих».

Поехали посланцы в аул и слово в слово передали наказ хана.

Собрал ханский сын всех жителей аула. Стали они думать, как быть. Думали, думали и решили согнать со всех концов сотню красных быков, чтобы отпиливать у них по одному рогу.

Разумная сноха хана выглянула в окно и ахнула от удивления.

Кто это распорядился спиливать рога у быков? – спросила она.

Сын хана, – отвечали ей.

Пошла она к мужу разузнать, что случилось.

Сын хана передал ей слово в слово то, что сказали ему

посланцы абреков.

Надо спешить на помощь хану, – сказала разумная сноха. – «Один столб в проходе у кунацкой подпилите, а два совсем свалите» значит: «Двух посланцев убейте, а одному нанесите рану». «Дайте посланцам сотню коров красной породы, безрогих. Дайте сотню быков красной породы, но однорогих» значит: «Пошлите сто воинов верховых и сто пеших». И заставьте третьего, раненого, абрека указать вам дорогу к хану.

Так и сделали жители аула, как растолковала им разумная сноха.

Двух посланцев убили, третий показал им дорогу. Старого хана освободили, а разбойников-абреков прогнали.

Чудесная цапля

Жила на свете старушка. Была она очень бедной. Только и отрады у нее было – сын Ахмет, ласковый да добрый.

Решил Ахмет поискать свое счастье. Взял он с собою мать и пустился в дальний путь.

Идут они по степи и вдруг видят цаплю, попавшую в капкан. Обрадовался Ахмет долгожданной добыче и достал из-за пояса нож. Но едва приблизился он к капкану, как заговорила Цапля человеческим голосом.

Постой, юноша, – сказала она, – оттого, что ты убьешь меня, ты не спасешься, а вот если освободишь меня, щедро награжу тебя.

Задумался Ахмет, а мать и говорит ему:

Отпусти Цаплю. Может быть, и вправду поможет она нам!

Отпустил Ахмет Цаплю и спрашивает ее:

Скажи, как я найду тебя, если понадобится мне твоя помощь?

Отпусти меня и смотри, куда я полечу. В той стороне и ищи, – ответила Цапля.

Ахмет так и сделал. Посмотрел он, куда полетела Цапля, и пошел в ту сторону.

Долго ли он шел, мало ли шел – кто знает – только сильно он устал, износились его чувяки, а глаза устали смотреть вперед. Видит Ахмет – пастух пасет огромное стадо коз. По-

дошел Ахмет, поздоровался:

Да умножатся твои козы!

Да продлится жизнь твоя! – ответил пастух. – Добро пожаловать, будь гостем!

Чьи это козы? – спросил Ахмет.

Это козы Цапли.

А где сама Цапля?

Я не знаю, где она. Тебе это скажет чабан, который пасет овец.

А как найти этого чабана?

Иди все прямо да прямо и придешь к нему.

Пошел Ахмет дальше. Долго шел, вконец измучился и увидел, наконец, огромные стада овец и около них чабана.

Да умножатся твои отары! – поздоровался Ахмет.

Да продлится твоя жизнь, – ответил чабан. – Добро пожаловать, будь гостем!

Чьи это отары?

Это отары Цапли.

А где сама Цапля?

А зачем она тебе понадобилась?

Рассказал Ахмет, как освободил Цаплю из капкана, как она обещала отблагодарить его.

Раз такое дело, помогу тебе отыскать Цаплю. Иди в сторону восхода солнца и придешь прямо к ее дому. Ворота охраняют две огромные злые собаки. Поэтому ты возьми двух самых жирных овец. Когда подойдешь к воротам, залают со-

баки и не будут пускать тебя, ты кинь им овец, а сам смело входи во двор.

А что ты советуешь мне попросить у Цапلي? – спросил Ахмет.

Не бери у нее ничего, попроси скатерть-самобранку.

Снова пустился юноша в путь. Долго ли шел, мало ли шел – кто знает – пришел он ко двору Цапلي.

Сделал Ахмет все так, как сказал ему чабан, и вошел во двор.

Цапля сразу узнала его и говорит:

– Проси, добрый человек, все, что захочешь.

– Мне нужна только скатерть-самобранка, – ответил Ахмет.

– Она давно уже дожидается тебя, – ответила Цапля и отдала ему скатерть.

Поблагодарил Ахмет Цаплю и пошел обратно. Известно, что обратный путь всегда короче. Скоро пришел он к чабану и рассказал, как приняла его Цапля, какую скатерть подарила она ему.

А что делать с этой скатертью, не знаю, – сказал Ахмет.

Взял чабан ту скатерть, развернул, не успел расстелить на земле, как вся скатерть оказалась уставленной вкусными яствами и напитками. Ахмет и чабан ели и пили сколько хотели, а скатерть все полна едой.

Потом свернул Ахмет чудесную скатерть, вскочил на коня и поскакал домой.

Обрадовалась старушка, что сын вернулся живым и здоровым да еще принес такую чудесную скатерть. Зажили они припеваючи – сами ели вдоволь, щедро угощали гостей. Всегда были открыты ворота их дома для добрых людей.

По всему аулу пошла молва о чудесной скатерти, дошла она и до князя. И вот однажды ворвались в дом Ахмета слуги князя, связали его, а скатерть унесли.

Снова стали голодать Ахмет и его старая мать. Думал-думал он, что делать, и решил опять пойти к Цапле.

Снова пустился Ахмет в дальний и трудный путь. Приехал он к своему другу чабану и рассказал ему обо всем, что с ним случилось. Чабан посоветовал молодцу попросить у Цапли тыкву.

Приехал Ахмет к Цапле. Ласково встретила она гостя:
Здравствуй, добрый человек! Будь моим гостем!

Спешился Ахмет, отдохнул в кунацкой. Подали ему угощение на маленьком трехногом столике – ана. Не терпится Цапле узнать, какие дела привели к ней юношу. А по обычаю, нельзя у гостя спрашивать, надолго ли и по каким делам он прибыл, – пусть сам расскажет. Вот Ахмет и говорит:

Попрошу тебя, Цапля, подари мне чудесную тыкву, коли не жалко!

Тыква была очень нужна Цапле. Но нельзя отказать гостю-спасителю. Взял Ахмет тыкву, поблагодарил хозяйку и поскакал обратно.

Подъезжает он к чабану.

Я получил тыкву, – сказал он, – но не знаю, что с нею делать.

Взял чабан тыкву, положил ее перед Ахметом и крикнул:
Выходите!

Откуда ни возьмись, выбежали из тыквы стройные, как на подбор, джигиты, накинулись на Ахмета. Отбивается Ахмет, да разве справиться ему с такими храбрецами! Хорошо, что чабан приказал джигитам убраться в тыкву, не то несдобровать бы Ахмету. Насилу опомнился Ахмет, а чабан и говорит:

С этой тыквой тебе никто не страшен.

Вернулся Ахмет в аул, но не пошел в свой дом, пошел прямо к князю.

Остановился он у порога и проговорил:

Верни мне, князь, скатерть-самобранку!

Насмешливо посмотрел на него чванливый князь, а как увидел тыкву, затопал ногами, закричал:

Эй, мои верные слуги, гоните прочь этого болвана!

Положил Ахмет перед князем тыкву и молвил только одно слово:

Выходите!

Откуда ни возьмись, выбежали из тыквы стройные, как на подбор, джигиты и накинулись на князя. А тот не может понять, откуда взялись эти воины. Взмолился князь:

Не бейте меня, я возвращу скатерть!

Ахмет приказал джигитам войти обратно в тыкву. А князь

приказал слугам поднести Ахмету на золотом подносе скатерть и с почетом проводить его.

Вернулся Ахмет в свой дом и зажил лучше прежнего.

Добряк и скряга

В одном селе жили два человека. Один круглый год батрачил, чтоб заработать себе на житье, но скопить ничего не умел, потому что с легким сердцем отдавал людям то, что они у него просили. Так и жил бедно. Звали его на селе Добряком.

Другой жил праздну, за счет других богател, ходил всегда хмурый, и снега зимою у него нельзя было выпросить. Звали его попросту Скрягой.

Однажды, когда пришла в горы осень, собрался Добряк на заработки. Услышал об этом Скряга и решил идти вместе с соседом.

Мать Добряка приготовила ему в дорогу еды.

Скряга тоже снарядился в путь, и они отправились вместе.

Долго или коротко они шли, но только остановились на привал подкрепиться и отдохнуть. Сели в тени старого развесистого дерева, поели, что мать Добряка наготовила, и тронулись дальше.

Много ли, мало ли они шли, однако ночь их застала в дороге. Расположились путники на ночлег, опять поели, что Добряк из мешка достал, и улеглись спать.

Утром с зарею поднялись, доели то, что у Добряка из припасов осталось, и пошли дальше. День выдался жаркий, тяжело идти по пыльной дороге. Кругом – степь одна, даже чах-

лого деревца не видно, и капли воды взять неоткуда.

Тогда развязал Скряга свой толстый мешок и протянул Добряку жалкий ломоть пересоленного пирога, а сам пообедал сытно, запил холодной водою из фляги и спрятал остатки обратно.

Удивился Добряк поведению Скряги, но ничего ему не сказал. А солнце печет все сильнее. Начала Добряка жажда мучить.

Дай-ка, сосед, напиться из твоей фляги, – попросил он.

Дам тебе напиться, но с одним условием, – отвечал Скряга, – если позволишь выколоть тебе один глаз.

Покачал головою Добряк, – не согласился. Еще жарче раскалило солнце сухую землю, совсем у Добряка во рту пересохло. Снова попросил он Скрягу:

Дай хоть один глоток, губы смочить!

Позволь один глаз выколоть – дам!

Что оставалось Добряку делать? Не умирать же от жажды. Дал он себе один глаз выколоть. Хлебнул из фляги немного воды, и пошли они навстречу солнцу. Потом доели соленый пирог и легли спать. Но Добряк, которого целый день мучила жажда, не мог уснуть, все ворочался с боку на бок. А тут еще глаз болит. Стонет Добряк от боли. Наконец, не выдержал он – толкнул и разбудил Скрягу.

Дай еще немного воды попить!

Согласен, – ответил тот, – только позволь сначала другой глаз тебе выколоть.

Что ты, сосед, как можно? Как же я жить стану, не видя белого света?

Дело твое, – сказал Скряга. Повернулся на другой бок и захрапел.

Настало утро. Поднялись они, Скряга плотно позавтракал, а Добряку дал кусок сухого чурека, и тронулись они снова в путь. Напиться так и не дал Скряга соседу.

Опять взошло над пустынной степью горячее солнце, и когда совсем невольно стало Добряку терпеть, согласился он, чтобы Скряга выколол ему и второй глаз.

На все воля Аллаха, – сказал он печально. – Пусть всемогущий устроит так, чтоб обернулось все добром для меня и злом для тебя, жадный ты человек.

Выколол ему Скряга глаз, дал глотнуть немного из фляги и, взяв слепца за руку, повел его дальше.

Шли они долго и добрались до небольшой, но шумной горной речушки. Остановил Скряга слепого, срубил кизилловую палку и говорит:

Возьми посох. Иди по берегу этой реки вверх, с палкой не собьешься с пути: пока ею воды будешь касаться – значит идешь правильно. Если повезет, съест тебя какой-нибудь дикий зверь! Путь добрый. – Засмеялся Скряга и бросил слепого. Расстались они, и каждый пошел своею дорогой.

Добряк зашлепал палкой по воде, отыскивая тропинку вдоль берега. Долго он так брел, спотыкаясь, пока не наткнулся на разоренную мельницу.

Должно быть, судьба послала мне эту мельницу, – сказал Добряк. Толкнул дверь палкой и вошел внутрь, чтобы провести ночь под крышей.

Ощупью нашел он пустой просторный ящик, в котором раньше мука хранилась, и лег на дно отдыхать. А в это время забрались на мельницу медведь, волк и лиса. Каждую ночь они в этой мельнице проводили. Перед сном рассказывали друг другу о своих делах, радостями и горестями делились.

Развели звери огонь и уселись у очага.

Поговорим, братья лесные, о наших надеждах, о том, что у кого самое заветное, – сказала лиса.

Отчего не поговорить, – ответил медведь.

И я согласен, – сказал волк. – Кто начинать будет?

Пусть медведь начинает: он среди нас самый старший.

Медведь устроился у огня поудобнее и повел речь:

Много хожу я по лесным тропам, встречаюсь со зверьми разными, – иные и посильнее меня будут. На горные хребты взбираюсь, пересекаю долины, лазаю по деревьям. Чего только со мной не случается: то со скалы упаду и лапу сломаю, то свалюсь с дерева и нос набок сверну, домой весь помятый вернусь. Но стоит мне съесть хоть одну кисличку с той дикой яблони, что растет возле мельницы, стоит сорвать зеленый листок и приложить к ране, как все болячки с меня словно рукой снимает, по-прежнему становлюсь здоровым. Вот что самое для меня заветное – вся надежда моя и радость. Однако, если узнает кто про чудную яблоню и сорвет

хоть листок с нее – засохнут ветви дерева и пропал я тогда. А что у тебя, волк, заветного?

Добрjak лежит в ящике – не шелохнется. «Кажется улыба-ется мне счастье», – думает и беспокоится только, чтоб зве-ри его не почуяли.

Заговорил волк:

В соседнем селе чабан живет. Слеп он на один глаз. Каж-дый день, как время обеда придет, подкрадываюсь я к стаду с той стороны, куда обращен его незрячий глаз, и краду овцу самую жирную. Но не в том надежда всей моей жизни. Есть у кривого чабана в отаре баран, у которого курдюк настоль-ко велик, что возят его на двух деревянных колесах. Только тем и живу я, что надеюсь того барана задрать. Давным давно болеет дочь сельского князя. Но стоит накормить ее мясом барана с огромным курдюком и искупать в бараньем бульо-не, как перестанет она хворать. Беда, если кто про барана и целебную силу его узнает – зарежут его хозяева, и лишусь я тогда своей заветной мечты.

Облизнулся волк и замолчал, а лиса, жеманясь, начала го-ворить:

Больше всех на меня хозяйки жалуются, что кур я у них ворую. И собаки цепные против моей хитрости и ловкости ничего не могут поделать. Каждый день лакомлюсь я жирной курицей, а потом в лесную чащу иду. Там за буреломом на-сыпана грудa золотого песку. Поваляюсь я в золоте, подни-мусь на гору, и шкура моя блестит на солнце, переливается.

Сижу так и соблазняю охотников. Вы думаете, нельзя этому радоваться? Это и есть у меня мое заветное богатство!

Сказала лиса так и стала лапы у огня греть. Медведь и волк задумались, а Добряк в ларе лежит – словно в рот воды набрал, доволен тем, что услышал.

Утром рано медведь, волк и лиса на охоту ушли, а Добряк вылез из мельницы – и прямо к тому дереву, о котором говорил медведь. Сорвал одну дичку, съел. Листок зеленый сорвал и приложил к глазам.

Увидели глаза белые шапки гор и утренние облака над долиною. Снова сделался Добряк зрячим.

Пойду-ка я теперь в село и разыщу княжескую дочь. Надо помочь ей, – сказал Добряк и, выдав себя за знахаря, появился в том селе, о котором рассказывал на мельнице волк.

Дошел до князя слух о появлении врачевателя. Позвал он его к себе.

Я сделаю все, что захочешь, – сказал князь, – требуй любую награду, только исцели мою любимую дочь. Единственная она у меня.

Я, князь, не требую платы и условий перед тобою не ставлю, – скромно опустив глаза, ответил Добряк. – Все сделаю, что смогу, и вылечить постараюсь. Но для этого нужен мне баран из твоей отары, у которого курдюк на колесах.

Привели Добряку барана. Зарезал он его, тушу разделал и положил в медный котел вариться.

Целую неделю лечил Добряк дочку князя бараньим мясом

и заставлял купаться в бульоне. На седьмой день красавица выздоровела.

Как тут князю не радоваться! Затеял он пир горою: неделю махсыма рекою лилась. Накормили, напоили и знахаря, а потом князь сказал ему:

Теперь проси, добрый лекарь, чего душа пожелает, – ни в чем не будет отказа.

Разве много мне нужно? – сказал Добряк. – Буду доволен, если припасов на зиму мне дадут и лошадь с телегой, чтоб было на чем домой увезти.

Дал князь бричку, велел нагрузить ее разным добром и припасами на зиму. Попрощавшись, отправился Добряк в родные места.

По пути заехал он в лесную чащу и захватил золото, о котором лиса обмолвилась.

На обратном пути у перекрестка больших дорог встретил он Скрягу, который нигде ничего не нашел и тащился домой обессиленный и голодный. Увидев Добряка, Скряга обрадовался:

О! Да будет жизнь тебе раем! Откуда, кунак, едешь, где раздобыл столько добра?

Рассказал Добряк всё, как было, а Скряга и говорит:

Тогда не откажи в услуге: выколи мне поскорее глаза. Сделай мне то же, что я тебе.

Зачем же глаза колоть, – иди туда, куда я ходил, и повтори всё, что я делал.

И то верно, – сказал Скряга.

Попрощались они и пошли каждый своею дорогой. Скряга добрался по берегу реки до заброшенной мельницы. В мучной ларь залез и сидит.

Ночь наступила. Вернулись на мельницу медведь, волк и лиса. Хмурые пришли, головы вниз опущены. А Скряга навострил уши: «Вот сейчас начнут говорить», – думает.

Давайте расскажем друг другу о своих обидах, – предложила лиса. – Твоя очередь, косолапый!

Большое горе посетило меня, мои братья лесные, большое горе, – начал медведь. – Случилось то, чего я больше всего на свете боялся: моё целебное дерево высохло, и не могу я поверить, что никто не трогал его.

Барана моего с курдюком на колёсах, к которому надежды мои обращены были, уже нету в отаре, – с грустью произнёс волк.

И меня ограбили неизвестные, – заныла лиса, вытирая слёзы. – Какой теперь смысл моей жизни? Лишилась я золота, шерсть моя больше никогда не заблестит на солнце, – потеряла она свой цвет!

Раз такое со всеми случилось, – решил медведь, – значит, подслушивает нас кто-то!

Если не подслушивает, то почему сразу пострадали все трое? – сказал волк.

Обыщем мельницу сверху донизу! – предложила лиса.

Разошлись звери по мельнице, стали заглядывать во все

углы. Наверху никого не нашли, а когда вниз спускались, попала лиса хвостом по глазам Скряге. Застонал он от боли.

Услышали звери, обрадовались:

Так вот кто нам несчастье принёс! Съедем его!

Вытащили в один миг Скрягу из ящика, на куски разорвали и съели.

Вот так он свою жизнь и кончил.

А Добряк возвратился в родное село. Женился, построил дом на краю села и живёт в нём до сих пор тихо и счастливо.

Трудовые деньги

Жил-был один крестьянин. От зари до зари трудился он в поле – очищал его от камней, сеял кукурузу, выхаживал ее. Нелегко было ему работать, никто ему не помогал.

Был у того крестьянина сын, лентяй – второго такого во всем свете не сыскать! Отец выходил в поле задолго до зари и возвращался, когда совсем стемнеет, а сын с утра до вечера бездельничал.

А к отцу тем временем старость подкралась, стали убывать его силы. Понял он, что хоть и поздно, а надо приучить сына к труду. Никак не мог он заставить сына работать на своем поле и решил отдать его в батраки.

Отвез крестьянин сына в соседний аул батрачить за один золотой в год.

Удивился хозяин, почему старик крестьянин запросил за своего сына такую малую плату.

«Видно, он богач, – подумал хозяин, – неспроста этот человек отдал мне своего сына. Чтобы не обидеть старика, я не буду заставлять работать этого парня».

А лентяю только того и надо. Живет лентяй в свое удовольствие – поздно встает, ест лучшие куски, наряжается да веселится.

Когда прошел год, хозяин дал лентяю золотой и с почетом проводил его.

Пришел лентяй домой.

Как тебе жилось-работалось, сынок? – спрашивает отец.

С утра до вечера трудился я не покладая рук. Хозяин остался доволен мною.

Протянул сын золотой, а отец взял деньги и, даже не взглянув, бросил в огонь.

Ни слова не сказал лентяй. Не удивился, отчего это отец вдруг стал деньги в огонь бросать. Повернулся и пошел себе спать. Подумаешь, деньги – один золотой!

Понял отец, что ничему не научился его сын, и решил от-
дать его к другому хозяину. Отвез он сына в другой аул.

Новый хозяин, как и первый, решил, что неспроста старик отдал своего сына в работники. И тоже не заставлял лентяя работать.

И снова незаметно пролетел год. Опять лентяй получил золотой.

Приходит он к отцу.

Ну как, сынок, тебе работалось?

Работал я от зари до зари. Вот мой заработок, – ответил сын.

Дай-ка его сюда!

Протянул сын золотой, и снова отец взял деньги и, даже не взглянув, бросил в огонь. И опять ни слова не сказал лентяй. Даже не спросил, почему это отец деньги в огонь бросает. Повернулся и пошел себе спать. Подумаешь, деньги – один золотой!

Видит отец, что напрасно прошли два года.

Решил он в третий раз отдать сына в работники. Отвез его в самый дальний аул, выбрал бедного крестьянина. В доме у него было много едоков, да мало работников.

Вижу я, трудно тебе живется, – говорит старик-отец бедняку, – нет у тебя помощников. Оставляю тебе на год своего сына: научи его работать как следует, а платы с тебя никакой не надо!

Новый хозяин с первого же дня заставлял лентяя работать наравне с собою.

Вставали они чуть свет, работали без передыху и заканчивали, когда все звезды на небе зажгутся.

Медленно потянулись дни, каждый казался лентяю таким длинным! Трудно было ему с непривычки: пот катился градом по его лицу, а хозяин не разрешал утереться.

Не взвидел лентяй белого света, а потом стал привыкать к работе и вскоре уже не мог без дела сидеть. И снова быстро побежало время.

Кончился год.

Теперь парень уже не был похож на прежнего лентяя: нарядная одежда его поизносилась, на руках появились мозоли.

Пришла пора отправляться домой.

На прощанье хозяин и говорит ему:

Твой отец не просил с меня никакой платы, но ты хорошо потрудились! Вот тебе два золотых – купишь себе новый

бешмет.

Приходит сын к отцу.

Ну как, сынок, тебе работалось?

Хорошо работалось.

А заплатил ли тебе хозяин за твои труды?

Протянул сын отцу два золотых, а тот даже не взглянул на них – в огонь бросил.

Не выдержал тут сын, закричал, стал голыми руками раскаленные угли разгребать:

Как же можно трудовые деньги в огонь бросать!

Кузнечик

Жил на свете бедняк по имени Кузнечик. Никто не знал толком, почему его так называли.

Отправился он однажды в соседнее село просить подаяния. По дороге устал и сел на высокий курган отдохнуть.

Как раз в тех местах паслись ханские табуны.

Увидел бедняк, что табунщики спят, а кони спустились в глубокую лощину. Подумал, подумал и пошел дальше.

Когда до соседнего села Кузнечик добрал, суматоха там была: пропали лошади грозного хана!

Смекнул он, что на этом деле можно заработать, если с умом взяться.

Позволил бы мне великий хан по кабардинскому обычаю погадать на горстке фасоли, – нашел бы я ему скакунов, – сказал он.

Дошли его слова до хана.

Привести хвастуна немедля ко мне! – приказал хан.

Притащили слуги Кузнечика к хану. Разбросал бедняк по полу горстку фасоли и делает вид, что гадает:

Никто не захватил твоих табунов. Вижу я, как возвращаются они к тебе. А сейчас кони пасутся в глубокой долине, куда трудно проникнуть и конному, и пешему. Высятся над той долиной две высокие горы. Если пошлешь, господин, верных людей в долину, клянусь Аллахом всевидящим, всех

коней без потерь получишь обратно. Если обманул я, – не гадать мне больше никогда на этой фасоли!

В селе, где жил хан, знали о глубокой долине с двумя горами. Помчались туда верховые и через некоторое время пригнали назад табуны в целостности и сохранности.

Весть о чудесном предсказателе облетела все окрестные села.

А во дворе у хана опять случилась пропажа: потеряла ханская дочь золотое кольцо с драгоценными камнями. По приказу хана позвали Кузнечика.

Погадай на фасоли и найди нам золотое кольцо. Если отыщешь, награжу по-царски – сразу богачом сделаю. Не найдешь – пеняй на себя: быть тебе повешенным на большой площади.

«Зачем обманул я его тогда и выдал себя за гадалея, – печально подумал бедняк. – Что ж, проживу еще хоть одну ночь, от этого мне вреда не будет». И сказал хану:

Тогда прикажи, о всемогущий хан, дать мне отдельную комнату. Ночью я в ней в одиночестве погадаю.

Твою просьбу исполнить нетрудно, – ответил хан и велел запереть Кузнечика в самом просторном покое дворца.

Глаз не сомкнул ночью бедняк, все думал о том, как утром его повесят. В глухую полночь кто-то постучался в окно.

Кто там, зачем пришел? – спросил Кузнечик и услышал в ответ голос одной из служанок хана:

Это я, чудесный провидец, конечно, узнал ты меня, недо-

стойную. Именем Аллаха молю, не выдавай меня грозному хану. Это я пасу его гусей на лугу – своего нет у меня ничего. Пожалей грешницу, вот возьми кольцо дочери хана, только не выдавай.

Повеселел Кузнечик.

Я, – говорит, – о тебе все думал. Если б не пришла ты с кольцом сама, пропащая была бы твоя голова. Ну, теперь так мы с тобой условимся: дай кольцо проглотить белому гусю, у которого крыло сломано, а как утро настанет, велю я его зарезать и вынуть перстень с драгоценными камнями.

Обрадовалась служанка, благодарит Кузнечика.

– Да продлит Аллах твои дни! Так и сделаю я, как ты сказал. Есть среди ханских гусей такой, о котором ты говоришь. Дам я ему кольцо проглотить.

Ушла она, а Кузнечик спать лег.

Наступило яркое утро. Вывели Кузнечика из дворцовых покоев во двор, где собрались почти все жители села.

– Что скажешь нам, знахарь? – спросил хан.

– Нехитрую задачу ты задал мне, господин, – ответил Кузнечик. – Думал я, долго искать придется, а нашел быстро: сразу зерна фасоли правду открыли. Лежит кольцо в зобу у твоего собственного белого гуся с поломанным крылом.

Поймали гуся, зарезали и распотрошили. Смотрит хан, а в зобу у гуся – золотое кольцо и драгоценные камни блестят.

Изумились люди искусству предсказателя, а хан щедро одарил Кузнечика и отпустил с миром.

Немало времени с тех пор пролетело. Поехал однажды хан в гости к хану другого государства и, будто бы ненароком, похвалился ему:

– Есть у меня в стране чудесный человек: любую тайну раскрыть сумеет, все разгадает, что ни прикажешь.

Не поверил хозяин. Долго они спорили, потом, наконец, решили биться об заклад на большое богатство.

Возвратился хан к себе во дворец и вызвал Кузнечика.

– Поспорил я, – говорит, – со своим другом, повелителем соседнего ханства, что любую тайну ты сумеешь открыть. Если разгадаешь, что он прикажет, озолочу тебя, на всю жизнь богачом станешь. Не ответишь – велю повесить на большой площади.

Взял хан с собою Кузнечика и отправился в соседнее ханство.

А о споре властителей узнали все люди в той стороне, и толпой собрались встречать приезжих. Кто же из двух ханов выиграет?

Приехали они, принял их хан с почестями. Кузнечик сидит в кунацкой и щеку рукою подпер – сразу грустный сделался, лица на нем нет.

Хозяин молча вышел на улицу и снова вошел, пряча в кулаке что-то.

Узнай, прорицатель, что держу я в своей руке?

Покачал головой бедняк и говорит:

Эх, бедный, несчастный Кузнечик, раз прыгнул – ушел от

расправы, другой раз прыгнул – опять ушел, а на третий – попался!

Рассердился хозяин, топнул ногой.

Дьявол, а не человек мог угадать такое! – вскричал он и разжал кулак, из которого зеленый кузнечик выскочил и застрекотал на полу.

Обрадовался хан, который бедняка привез, что заклад выиграл, и, вернувшись домой, предложил Кузнечнику столько добра, что тому на всю жизнь хватило бы.

Отказался от богатства Кузнечик.

Только три раза имел я право гадать, – сказал он хану. – Теперь не гневайся, господин, а больше я тебе не слуга.

До сих пор живет Кузнечик в достатке и благополучии.

Черная лиса

Там, где река Теберда впадает в Кубань, жил старик по имени Шералуко. У него был сын Шамиль. Всем Шамиль был молодец: и ходок без усталости, и стрелок без промаха, да не было у него счастья. А без счастья, известно, сколько ни иди – к хорошему не придешь, сколько ни стреляй – все мимо.

Охотился однажды Шамиль целую неделю – ничего не убил.

Вернулся он домой и узнал, что его старый отец Шералуко умер с голоду.

Заплакал молодец и ушел куда глаза глядят. Шел он, шел и увидел на скале Орла.

«Ладно, – думает Шамиль, – Орел так Орел», – и прицелился.

Вдруг заговорил Орел человеческим голосом:

Не стреляй в меня, охотник Шамиль. Разве мое мясо – еда? Я тебе пригожусь. Возьми перо из моего крыла. Если попадешь в беду, сожги перо: где бы я ни был, хоть на краю света, я тотчас прилечу к тебе.

Опустил Шамиль ружье, спрятал перо Орла и пошел дальше. Видит Шамиль – скачет дикий Козел.

Только вскинул Шамиль ружье – заговорил Козел человеческим голосом:

Не стреляй в меня, охотник Шамиль. Я тебе пригожусь. Выдерни волосок из моей бороды. Если попадешь в беду, сожги волосок: где бы я ни был, хоть за семью морями, я тотчас явлюсь к тебе.

Взял Шамиль у Козла волосок и пошел дальше.

Много ли шел, мало ли шел – кто знает? Дошел Шамиль до широкой реки. Прилег он на берегу отдохнуть и видит – у самого берега в воде огромная Щука. Сунул он руку в воду, схватил Щуку за жабры, выбросил ее на берег. Вдруг заговорила Щука человеческим языком:

Не губи меня, охотник Шамиль! Я тебе пригожусь.

Пожалел Шамиль Щуку, отпустил ее обратно в воду. Плеснула Щука хвостом, и не успел Шамиль глазом моргнуть – валом валит к берегу мелкая рыба, да идет так плотно, что и воды не видно – одни рыбки спины.

Становись, Шамиль, на рыбки спины, не бойся! – говорит ему Щука. – По ним, как по мосту, перейдешь на другой берег!

Перешел Шамиль широкую реку. На прощанье Щука дала ему свою чешуйку.

Если попадешь в беду – сожги чешуйку: где бы ты ни был, хоть на вершине Эльбруса, я мигом явлюсь к тебе.

Идет Шамиль голыми степями, сыпучими песками. Много дней не было у него во рту ни капли воды, ни крошки хлеба. Вдруг видит Шамиль – бежит по степи Черная Лиса. Только хотел Шамиль выстрелить в нее, взмолилась Лиса:

Не стреляй в меня, охотник Шамиль! Я тебе пригожусь.

Опустил он ружье, а Лиса продолжала:

Ступай все время прямо. Придешь ты в большой город. В том городе живет царевна. Она уже погубила девяносто девять женихов, но ты не бойся, смело сватай ее. А когда будет тебе тяжело, сожги волосок из моего хвоста: где бы я ни была, хоть на седьмом небе, я тотчас явлюсь к тебе.

Сказала так Лиса и исчезла – словно провалилась сквозь землю. Двенадцать дней и двенадцать ночей Шамиль не ел не пил, только шел да шел. И подошел он к большому городу. Повстречалась ему дряхлая старушка.

Живи еще много лет, нана, – поздоровался с нею Шамиль.

Спасибо на добром слове, сынок, – ответила старушка. – Скажи, куда путь держишь?

Рассказал ей Шамиль, что хочет посвататься к царевне, которая уже погубила девяносто девять женихов. А старушка и говорит:

Эта царевна живет в нашем городе. Много джигитов сваталось к ней, да всех погубила коварная красавица. Каждому жениху велит царевна прятаться три раза. Кого найдет все три раза – тому голову с плеч долой. Не отыщет хоть один раз – за того замуж пойдет. Только разве можно от нее спрятаться, когда есть у нее волшебное зеркальце. Оно видит каждую пылинку на всем белом свете. Эх, красавец, лучше не ходи, если нет у тебя запасной головы! А пойдешь – не забудь: ты у царевны сотый жених. Сотому царевна позволит

спрятаться и в четвертый раз. Тогда ты обо мне вспомни.

Что за диво – вмиг исчезла старушка, словно сквозь землю провалилась. Только показалось Шамилю, будто метнулся черный лисий хвост.

Пришел Шамиль во дворец и говорит царю, что хочет по-сватать его дочь. Царю уже надоело смотреть, как славным молодцам рубят головы из-за своенравной царевны. Понравился ему статный Шамиль, и стал он его отговаривать.

Нет, – отвечает Шамиль, – я решил попытать счастья.

А царевна говорит из другой комнаты:

Хорошо, что ты пришел! Пустует у меня сотый кол. Твоя голова как раз пригодится для этого кола. Сегодня отдохни с дороги, а завтра в первый раз спрячешься.

Всю ночь думал Шамиль, как ему получше спрятаться. И вспомнил он об орлином пере. Высек Шамиль огонь, подпалил перо – тотчас прилетел Орел.

Что нужно тебе, охотник Шамиль?

Спрячь меня так, чтобы царевна не нашла.

Садись мне на спину.

И полетел Орел на высокую гору Казбек, где было его гнездо. Спрятал Шамиля в гнездо, а сам сел сверху.

Утром вышла царевна на балкон и давай смотреть в свое волшебное зеркальце. Смотрела-смотрела – нигде нет Шамиля. Уже полдень наступил, высоко поднялось солнце. Тут и нашла его царевна. Когда Шамиль прятался в орлиное гнездо, свесилась через край пола его черкески.

На другое утро подпалил Шамиль козлиный волосок. Козел тут как тут.

Спрячь меня, – говорит Шамиль, – чтоб царевна не отыскала.

Занес его Козел далеко в горы, спрятал в небольшой пещере, сам лег у входа.

Целый день высматривала царевна охотника – не могла увидеть. Уже вечер наступил. Тряхнул Козел головой, отогнал мух – и нашла царевна Шамиля!

На третий день позвал Шамиль Щуку. Проглотила его Щука и ушла на дно речное. Смотрела-смотрела царевна с утра до захода солнца – не могла отыскать Шамиля. Рассердилась она и хотела бросить зеркальце, но тут Щука разинула пасть – царевна и увидела Шамиля.

Вот куда ты забрался!

Явился Шамиль к царевне и просит, чтобы разрешила она ему спрятаться в четвертый раз.

Пусть будет по-твоему, – говорит она, – прячься в последний раз. Все равно не сносить тебе головы.

Не страшно было Шамилю умереть, жалко было с царевной расстаться – уж очень полюбила она ему. Вышел Шамиль наутро в поле, только поднес к огню лисий волосок, а Черная Лиса тут как тут.

Здравствуй, – говорит, – что прикажешь?

Выручай, Лиса, – просит Шамиль. – Надо мне спрятаться от царевны, не то снесут мне голову с плеч.

Обернулась Черная Лиса рыжебородым торговцем, а Шамиля превратила в блоху.

Идет торговец мимо дворца и кричит:

Товары для молодой царевны! Заморские!

Велела царевна позвать торговца. Развязал торговец свой узел с товарами, а блоха-Шамиль прыг – и спрятался в рукаве у царевны.

Целый день смотрела царевна в свое зеркальце, не смогла отыскать Шамиля. А когда село солнце, царевна с досады разбила зеркальце.

Должно быть, джигит испугался казни и убежал, – сказала царевна.

Тут блоха выпрыгнула из рукава, ударилась об пол и обернулась Шамилем.

Здесь я!

Обрадовался царь, что остался в живых этот славный молодец, и устроил пышную свадьбу.

Так женился бедняк охотник Шамиль на красавице царевне. После смерти старого царя он стал царем. Мудро правил Шамиль царством, всех врагов победил... На то и был он кабардинцем.

Шакумций²

Жили-были старик со старухой. Послал им Аллах только одного сына. Да и тот был так мал ростом и так плешив, что прозвали его Шакумций.

Узнав однажды, что соседские мальчишки собираются в лес за морковником, Шакумций тоже отпросился у матери и увязался за ними.

Отпуская сына, мать велела ему не отставать от других, рвать морковник неподалеку от остальных и вместе со всеми домой возвращаться. А соседским мальчикам она приказала:

Вы большие, а мой Шакумций мал, как ноготь на мизинце. Смотрите же, не давайте его в обиду, следите, чтобы не заблудился, домой за руку приведите.

Пошли они в лес. Шли, шли по дороге, и вдруг повалился Шакумций на траву. Остановились дети. Спрашивают его:

Что с тобой, почему на землю упал?

Отвечает им Шакумций:

Мать моя велела вам за мной присматривать, беречь меня, малого, незаметного! Поднимите и понесите меня!

Согласились дети. Понесли на плечах Шакумция по очереди, пока не добрались до леса.

В лесу прохладно. Птицы поют и свежей травой пахнет.

² Шакумций – непереводимое сочетание, приблизительно равнозначное понятиям – маленький, плешивый.

Стали все собирать ароматный морковник, а Шакумций сидит на дубовом пеньке, ничего ни делает.

Почему сидишь, Шакумций? Отчего не собираешь купырь³? – спросили дети.

Улыбнулся малыш и отвечает:

Разве не приказала вам моя мать исполнять все, что я пожелаю? Нарвите сначала мне купыря, а потом уж себе.

Послушались дети, нарвали сочного морковника для Шакумция, сложили возле пенька, на котором он сидел. Потом себе большие связки бечевками навязали и домой пошли. А плешивый малыш с ноготок сидит и не шелохнется.

Остановились соседские мальчишки и спрашивают:

Почему домой не идешь, чего ожидаешь?

Прищурился Шакумций, улыбается:

Несите меня, – говорит.

Понесли Шакумция мальчишки. И его купырь забрали.

Темная ночь на лес опустилась, ни звезд, ни луны не видно. Заблудились они в лесу – не знают, куда идти. Сколько ни искали, – не могут найти дорогу. В полночь уже, еле ноги от усталости передвигая, кое-как выбрались дети со своей ношей из леса. Темно вокруг – будто сверху черную бурку накинули. Куда дальше идти? Вдруг услышали они лай собаки. И огонек вдали засветился.

Побрели они на огонек – об кочки да пни спотыкаются, из сил совсем выбились. Подошли к огню и увидели старую

³ Купырь – морковник.

саклю. Покосилась она от времени, ни окон, ни дверей не осталось. Жила в этой старой сакле колдунья. Увидала она детей: «Добро пожаловать, гости дорогие!» Зазвала их в саклю, а сама думает: «Вот счастье мне привалило, наточу-ка я зубы поострее, подожду, пока уснут дети глупые, и съем по одному за ужином».

Накормила ведьма Шакумция и его товарищей, постелила на пол кошму и спать гостей уложила. Только Шакумций запротивился:

Меня мать дома не так укладывала. Сажала она меня в бурдюк и к балке под потолком в бурдюке подвешивала.

Быть по-твоему, – сказала ведьма. Посадила малыша в бурдюк и на веревке к балке подвесила.

Как только полночь пробило и петухи в первый раз закричали, подкралась ведьма к кошме, чтобы съесть того, кто с краю лежит. Шакумций зацарапался в бурдюке, заскреб ноготками об сыромятину.

Чего не спишь, Шакумций? – шепотом спросила старуха.

Мать я свою вспомнил. Она мне перед сном хатламу⁴ готовила и кормила меня.

Быть по-твоему, – сказала старуха. – Хатламу сварить – немудрое дело.

Замесила она крутое тесто, воду в котле вскипятила и сварила Шакумцию хатламу. Поел он и снова в бурдюке спрятался. Пропели петухи во второй раз, когда ведьма снова к

⁴ Хатлама – вареные в воде чуреки.

кошме подкралась. Зацарапался Шакумций в бурдюке, заскреб сыромятину ноготками.

Отчего не спишь, Шакумций? – шепотом спросила старуха. – Чего тебе еще нужно?!

Опять матушку вспомнил. Она мне ночью гедлибже готовила и кормила меня.

Изволь, и я приготовлю, – согласилась старуха. Зарезала она курицу, в сметане зажарила и подала Шакумцию. Поел он и снова залез в бурдюк. В третий раз, перед рассветом, петухи закричали. Ведьма опять к кошме подобралась. Зацарапался Шакумций в бурдюке, заскреб сыромятину ноготками.

Почему не спишь, Шакумций? Чего тебе не хватает?

Опять матушку вспомнил. Поила она меня перед утром: с речки воду большим решетом носила.

Изволь, и я принесу, чего тут мудреного, – сказала старуха. Взяла она решето и пошла за водой, а Шакумций даром времени не терял: выскочил из бурдюка, разбудил своих товарищей и говорит им:

Поднимайтесь, да побыстрее! Бежим, пока не вернулась злая колдунья и нас всех не съела!

Оделись дети и убежали, забрав с собою морковник.

До утра сидела старуха на речке – воду решетом черпала. Только зачерпнет, а вода из решета выливается прямо ей на подол. Ноги ведьма совсем промочила, а толку не добила.

Измученная, мокрая домой пришла и в сакле пустой ни-

кого не застала.

Небылица

Послушайте, дети мои, сказку о пастухе, лучше которого никто у нас в селении не умел плести небылицы. Вот что рассказывал тот табунщик:

«Еще мать моя не была замужем, когда пас я табуны у ее родных, которые жили между двумя морями.

Однажды исчез мой конь, статный вороной скакун. Отправился я на его поиски. Всюду и везде бродил – нигде не нашел. Поднялся на высокий курган, воткнул свой нож на его вершине, в него шило воткнул, шапку на шило повесил, взобрался сам на него и осмотрелся кругом. Ничего не увидел. Спустился я тогда в глубокую-глубокую яму. Выглянул оттуда и увидел, как перешел мой конь через море и бегаёт возле него маленький жеребенок, что у него родился.

Подвернул я штаны, чтоб не намочить, и шагнул в море. Оказалось, что море мне едва до щиколоток достало. Перешел я его и поймал коня.

Однако конь не смог выдержать моей тяжести. Пересел я на жеребенка. Повез он меня вместе с конем. Мало ли, много ли ехал, но увидел в зарослях, которых не было, зайца, который еще не родился. Выстрелил я из ружья, что дома у меня осталось, и убил зайца. Стал я его потрошить и нашел внутри девять кусков жира, которым сапоги свои смазывать стал. На один сапог хватило, а на другой – нет. Пошел даль-

ше в одном смазанном сапоге, а в другом – несмазанном.

Вскоре добрался я до берега моря, прыгнул в него и перешел на другую сторону. Посмотрел на ноги, – не вижу сапога, жиром не смазанного. Обиделся он и ушел от меня. Что делать? Вернулся я искать сапог.

Когда через море обратно переходил, увидел грушевое дерево, которое посредине в волнах росло. На дереве и мой сапог на двенадцати мышах молотил просо за сходную плату. Быстро молотил. Так быстро, что зерно оставалось на месте, а половина сыпалась вниз, в море.

Стал я просить сапог, чтоб ко мне он вернулся. На молотье заработал сапог девять мешков проса. Получил он просо, насыпал в мешки, которые были сшиты из шкур восьми мышей, положил их на арбу, сделанную из хворостинки, запряг в нее двух комаров и стал погонять через море. Я с ним отправился.

Так ехали мы два дня и две ночи. На третий день подул сильный ветер, поднялась буря. Заволновалось море, заходили-заиграли на нем пенные волны. Опрокинуло арбу, и девять мешков свалились в глубокую воду.

Утром, когда утихомирилось море, спустился я ко дну на поиски мешков с просом.

Оказалось, что русалка мешки нашла. Из проса сварила она бузу сладкую и попивает себе в удовольствие.

– Не знала я, сын мой, что твои то мешки, но не горюй, не вешай голову, – погости у меня, заплачу я тебе за твое просо.

Сказала так русалка, потом накормила меня, напоила и впридачу корову дала. «Вот тебе за твое просо».

Привязал я корову к арбе и поехал домой.

Когда первый раз подоили корову, не поместилось ее молоко в кувшины, миски и чашки, что со всего села собрали.

Стало молоко прокисать. Собрались жители со всего села, вырыли яму, величиною с хороший ток, обшили стены и дно дубовыми досками.

Подошло снова время доить. Поставили корову над ямой и стали сливать в нее молоко. А потом, кому нужно было, черпали молоко из ямы ведрами и кувшинами, а из того, что оставалось, сыр делали.

Так зима прошла, весна наступила. Погнали корову на пастбище. Смастерили корыто, которое пастбище с селом соединяло, и стали доить корову три раза в день. Текло молоко по корыту и сливалось в яму. По-прежнему жители его ведрами и кувшинами черпали, а из остатков сыр делали.

И вот однажды выгнали охотники из лесу кабана. Прыгнул он с испугу в корыто и принесло его в село. Жители не заметили в молоке кабана, влили в него сычуг и приготовили сыр.

Скоро время сенокоса настало, и взяли с собой косари сыр в поле. До полудня поработали, на обед сели. Когда сыр разложили, выскочил из него кабан и в лес побежал. Испугались косари, что уйдет, швырнули в него косой. Зацепилась коса кабану за ногу, а он все по полю бегает и косой сено косит.

Так и скосил все поле.

Как только коса отцепилась от ноги кабана, косари вилы бросили ему вслед. Собрал кабан на бегу вилами все сено и сложил в копны».

Вот, дети мои, какую сказку рассказывал один табунщик, лучше которого у нас в селении никто не умел плести небылицы.

Три совета

Жил-был искусный охотник. Никогда не возвращался он домой без добычи.

Однажды пошел он на охоту, целый день бродил, но ничего не подстрелил. Бредет он домой, как вдруг видит в кустах жаворонка. Поймал охотник жаворонка и продолжал свой путь.

Вдруг жаворонок заговорил.

Что хочешь ты сделать со мною? – спросил он.

Как приду домой, велю жене изжарить тебя и съем.

Разве ты насытишься мною? На мне ведь и мяса-то нет. Отпусти меня! Я дам тебе три совета. Они пригодятся не только тебе, но и детям твоим, и внукам. Первый совет я скажу, сидя в твоей руке, второй – взлетев на верхушку дерева, а третий – поднявшись на гору.

Согласился охотник.

Помни, – сказал жаворонок, – никогда не жалея о том, что уже миновало.

Сказал маленький жаворонок и взлетел с ладони охотника.

Не верь никогда тому, что противно здравому смыслу, – продолжал жаворонок, сидя на верхушке дерева. – У меня в зобу есть слиток золота величиною с куриное яйцо. Если бы ты достал его, то был бы богатым до самой смерти.

Ах, проклятый день! – воскликнул с досадой охотник, ударяя себя по голове. – Лучше бы я умер! Зачем отпустил птицу? Как мог я поверить ей!

Уж очень ему было обидно.

Каким счастливым стал бы я, будь у меня такой кусок золота! – сокрушался охотник.

Вспорхнув с дерева, жаворонок хотел было улететь, но охотник закричал:

Уговор дороже денег! Ты обещал мне дать три совета. Два ты уже сказал, и я их запомнил, а третьего еще не слышал. Прошу, дай мне третий совет!

К чему тебе третий совет? Я дал тебе два, но ты забыл их прежде, чем я договорил. Если дать третий, будет то же самое! Я сказал – никогда не жалею о том, что уже миновало. А ты уже сейчас горюешь, зачем отпустил меня. Я сказал – не верь тому, что противно здравому смыслу. А ты поверил, что у меня в зобу слиток золота величиной с куриное яйцо, и не подумал, что весь я немного больше куриного яйца. Это и есть – поверить в невозможное.

Сказал так жаворонок и поднялся высоко в небо.

Как петух сварился

Жила-была в давние времена старая курица. Шея у нее была совсем голая. Гуль звали ее. Пришел к ней однажды в гости петух. Приготовила курица разного угощения и поставила на стол перед петухом. Но больше всего ему паста по вкусу пришлась – свежая, вкусная.

Научи меня, Гуль, – попросил петух, – как пасту такую готовить. Не откажи соседу.

Дело не мудреное, – ответила Гуль. – Как закипит вода, взлетаю я на край котла, потом на другой перепрыгиваю, а потом – снова обратно. Так и летаю с одного края котла на другой, пока паста не будет готова.

Поблагодарил курицу петух и побежал домой.

Пришло время готовить обед. Поставил он воду. Только стала вода закипать, а петух уже на краю котла сидит и крыльями машет, как курица научила. Перепрыгивал, перепрыгивал с одного края котла на другой, помутилось у него в голове, да и свалился он в кипяток.

А в это время сама Гуль решила соседа-петуха навестить. «Пойду, – думает, – в гости к старому». Так она и сделала. Пришла, а из котла пар валит и петушиные ноги торчат: сварился хозяин. И так жалко ей сделалось старого петуха, что всю себя общипала. Все перья до одного повыдергала.

Узнал о том целый свет.

Услышал ворон, что петух заживо в кипятке сварился, а бедная Гуль все перья повыдергала, – и он тоже себя общипал.

Что с тобой, ворон? – спросила Земля. – Зачем такое над собой сделала?

А ворон ей отвечает:

Петух заживо в кипятке сварился, бедная Гуль от горя перья с себя подергала, как же я в стороне останусь?

Выходит, и мне горевать вместе с вами! – сказала Земля и вся развинтилась.

Увидела это Вода и спрашивает:

Что с тобой, Земля? Почему совсем развинтилась?

А Земля ей отвечает:

Петух заживо в кипятке сварился, бедная Гуль от горя все перья с себя подергала, общипал себя черный ворон, как же мне в стороне оставаться?

Ну, раз так, то и я с вами, – сказала Вода и высохла.

Увидела это старуха-служанка, когда с бадейками по воду шла, и спросила:

Что с тобой, Вода? Почему высохла?

А Вода ей отвечает:

Петух заживо в кипятке сварился, бедная Гуль все перья с себя подергала, общипал себя черный ворон, Земля совсем развинтилась. «Ну, раз так, то и я с вами!» – сказала я так и высохла.

Выходит, и мне горевать вместе с вами! – сказала стару-

ха-служанка.

Взмахнула она бадейками и ударила их, что было сил, друг о друга, – только щепки белые вокруг полетели. Разбила бадейки и пошла домой к своей госпоже.

А госпожа шубу шила. Увидела она служанку и спрашивает:

Почему вернулась с пустыми руками? Где вода, где бадейки?

А служанка ей отвечает:

Петух заживо в кипятке сварился, бедная Гуль от горя все перья с себя подергала, общипал себя черный ворон, Земля совсем развинтилась, Вода в реке пересохла, как же я могла в стороне оставаться? Перебила бадейки и домой возвратилась.

Услышала это госпожа и тоже загоревала: порвала шубу на мелкие клочья. А шуба из дорогого меха была.

В это время сам князь во двор въезжал верхом на вороном коне. Спросил он у гуаши⁵, что с нею случилось, зачем дорогую шубу испортила. Ответила ему госпожа:

Петух заживо в кипятке сварился, бедная Гуль от горя все перья с себя подергала, общипал себя черный ворон, Земля совсем развинтилась, Вода в реке пересохла, наша старуха-служанка разбила в щепу бадейки и без воды домой возвратилась. И я вместе со всеми загоревала: порвала меховую шубу.

⁵ Гуаша – княгиня.

Услышал князь, что такая беда случилась, вынул из ножен острую саблю, изрубил в куски новехонькое кожаное седло.

Сидела в это время на дороге старуха и зашивала трещины, которые от солнца на земле сделались. Иголкой у нее была целая ось от брички, а ниткой – толстый канат. Пока чинила она одну половину земли, пот градом с нее катился и трещины на другой половине земли заклеивал.

Дождь праздником был для старушки, засуха – горем.

Чинила, чинила она землю и вдруг узнала, что петух заживо в кипятке сварился, бедная Гуль от горя все перья с себя подергала, общипал себя черный ворон, Земля совсем развинтилась, Вода в реке пересохла, старуха-служанка бадейки в щепу разбила и ни с чем домой возвратилась, гуаша порвала в клочки меховую шубу, а князь острой саблей изрубил седло новое.

Видно, все с ума посходили. Для кого же сидеть мне теперь на палящем солнце и штопать землю, если люди рассудка лишились? – сказала старушка. Взвалила на худые плечи иголку и пошла прочь, потащив за собой канат.

Увидели это все и испугались: князь купил новое седло, еще лучше прежнего. Госпожа мигом порванную шубу сшила, служанка починила бадейки, Вода по реке опять побежала, Земля завинтилась обратно, черный ворон и Гуль свои перья собрали. Ну, а петуха, раз уж он заживо в кипятке сварился, отдали на ужин старушке, которая землю чинила, – только бы она не сердилась. Наелась она и снова принялась

сшивать трещины.

Говорят, если бы перестала старушка чинить, потрескалась бы Земля совсем и рассыпалась, как вареная картошка. А без Земли как жили бы люди?

Комар-хвастун

Когда в лесу наступает ночь, все звери и птицы засыпают в своих норах и гнездах. Никто не нарушит тишины до тех пор, пока первый луч солнца не проникнет сквозь листву.

Однажды, когда все утихло в лесу, вдруг раздался грозный рев, словно гром грянул среди ночи.

Что случилось?

Это спросонья зарычал Лев – плохой сон приснился ему.

Испуганные звери повыскакивали из своих нор, птицы вспорхнули с насиженных мест.

Проснулся и Комар. Досадно стало ему, что Лев нарушил его сладкий сон. И решил Комар отомстить Льву. Точит он свой хоботок, а сам приговаривает, похваляется:

Лучше этому Льву не попадаться мне на глаза, а то плохо ему будет!

Услышал Лев эти слова, в ярость пришел:

Мне, царю зверей, грозит какой-то Комаришка! Да я его раздавлю, он и пикнуть не успеет!

Взвился Комар, расправил крылышки и впился прямо в нос Льву.

Завыл Лев от боли. Он и катался по земле, и царапал когтями нос, а Комар цел-невредим. Еще пуще жалит.

Пусти меня, сдаюсь, ты осилил меня! – заревел Лев.

Отпустил Комар могучего Льва и полетел по лесу хвастать

всем о своей победе.

Я сильнее самого царя зверей – Льва! – трубил он. – Никому не одолеть меня.

И совсем забыл Комар-хвостун о Пауке.

Расхвастался Комар, загордился. Закружилась у него от радости голова, и залетел он прямо в сеть к Пауку. Тут и пришел конец Комару-хвостуну.

Кто больше всех и сильнее?

Жили-были три брата. Владели они втроем всего-навсего одним волом, но зато таким огромным, что если задними ногами он стоял в мутной Куре, то траву щипал на далекой Золке.

Три брата были пастухами и пасли своего великана-вола. Решили они однажды повести его на водопой. Рано утром, чуть свет, поднялись и погнали круторогого на Кубань: старший брат впереди идет, средний брат – сбоку, а младший – сзади.

Когда солнце только-только из-за гор показалось, встретился старшему брату всадник в бурке; ехал он издалека.

Бох-апши⁶, юноша! Да умножится твое стадо! – поприветствовал пастуха проезжий.

Живи во здравии сотню лет! – отвечал тот.

Вола на водопой гонишь, юноша?

Ты угадал, путник. Но боюсь, что до срока ночь нас в дороге застанет. Пусть будет путь твой усыпан розами, прошу тебя, – если поедешь в ту сторону, откуда мы идем, то встретишь моего среднего брата, – скажи ему, чтоб быстрее погонял, а то не успеем к ночи.

Я выполню твою просьбу. Прощай, юноша, легкой тебе

⁶ Бох-апши – кабардинское приветствие, с которым обращаются к пастухам: «Да умножится твое стадо».

дороги! – сказал всадник и ускакал рысью, только мелькнула его черная бурка да и скрылась за высоким курганом.

Долго скакал он и к завтраку доехал до среднего брата.

Бох-апши, юноша! Да умножится твое стадо!

Живи во здравии сотню лет! – ответил пастух.

Старший брат велел погонять быстрее, а то не успеете к ночи! – сказал всадник.

Я сделаю все, что смогу, добрый человек, но если и дальше поедешь в эту сторону, то передай моему младшему брату, чтобы погонял побыстрее.

Я выполню твою просьбу. Прощай, юноша, счастливой дороги! – сказал всадник и умчался галопом, только мелькнула его папаха за придорожным курганом.

Долго скакал он и к полудню доехал до младшего брата, идущего с бичом позади вола.

Бох-апши, юноша! Да умножится твое стадо!

Живи во здравии сотню лет! Случайно не встречал моих братьев?

Встречал. Просили, чтобы ты погонял быстрее, а то к ночи не доберетесь до полноводной Кубани.

Стану погонять побыстрее! Спасибо тебе на добром слове!

Прощай, юноша! Легкого тебе пути!

Умчался всадник – из глаз пропал в широкой степи, а младший брат защелкал кнутом, – стал поживей погонять.

Вот уже немного до Кубани осталось, совсем недалеко –

свежей водою пахнет. И вдруг высоко в небе показался орел. Камнем ринулся он вниз, схватил цепкими когтями вола за рога и унес его в горы...

А солнце припекало все жарче: попрятались от жары птицы в утесах, люди ушли в свои сакли. Даже терпеливые козы, и те укрылись под горой от палящего зноя. И пастух заснул в тени от бороды козла-вожака.

Но вдруг кругом потемнело, тучи закрыли солнце. Поднялась буря, ветер с корнем вырывал деревья. Это орел с волом трижды покружился на небе, выбирая место, где опуститься и пообедать, и увидел, наконец, две скалы. Но не скалы это были, а кривые рога козла, под бородой которого храпел уставший пастух.

Уселся орел на козий рог и начал вола есть.

А пастуха разбудила буря. Выглянул он из-под бороды козла посмотреть, что творится вокруг, и в глаз ему попала соринка. Не знал пастух, что соринкой была лопатка вола, которую обглодал орел и уронил вниз.

Обглодал орел вола и улетел, а пастух долго глаз тер – ничего не выходит. Крепко засела под веком воловья лопатка. Слезы из глаз текут от боли.

Шли мимо охотники. Попросил их пастух вытащить лопатку. Забрались охотники вместе с ружьями и собаками пастуху в глаз, искали, искали, – все вокруг обшарили, но не смогли соринку найти. Вечером, когда смеркалось совсем, пригнал пастух козье стадо домой и пришел к матери, закрыв

глаз, из которого так и текли слезы. Встретила мать сына у ворот, вывернула ему веко, пошарила рукой и нашла соринку в самом уголке, под ресницей.

Положила мать воловью лопатку на ладонь, со всех сторон оглядела, дунула и унесло лопатку в реку.

Пришла весна. Снега в горах растаяли, заплакали горы, белыми потоками полились ручьи с Ошхамахо. Широко разлилась и та река, куда мать пастуха сдула воловью лопатку. Поволокло половодьем лопатку вместе с гранитными глыбами, что от скал откололись, а когда спала вода, осталась лопатка на берегу.

Много времени убежало, много с гор воды утекло и засыпало лопатку песком, занесло илом, выросла на ней трава и поселились люди. Большой раскинулся аул на воловье лопатке.

Опять потекло время. И вот однажды начало трести землю по ночам. Дребезжат глиняные кувшины в домах, сыплется глина со стен, заборы-плетни качаются. Забеспокоились люди.

В одну из ночей, когда земля под ногами ходуном ходила, совсем в страх люди пришли. А утром увидели, что солнце взошло с другой стороны. Как тут не напугаться! Весь аул в ужасе был.

На другую ночь, как только стемнело, все мужчины взяли луки, стрелы, взяли острые кинжалы и вышли за аул караулить, чтобы узнать, кто это ночами качает землю.

Уже в полночь, когда луна взошла, увидели храбрые джигиты, что на краю аула из-под земли кость лопатки воловьей торчит, и лиса рыжая ту кость грызет. Грызет зубами, дергает в разные стороны, а земля, как челнок на воде, качается.

Джигиты натянули свои луки, вставили оперенные стрелы и пустили их в лису все сразу. Свист от стрел над аулом прошел, и упала лиса убитая. Джигиты сняли у лисы шкуру с одного бока, а с другого, как ни старались, ничего не вышло; не смогли перевернуть рыжую. Так и вернулись домой с половиной шкуры.

Хватило той половины на шапки всем мужчинам села, от малого до старого. Только сшили всем шапки, как родился в ауле еще один мальчик. Увидела мать, что ходят все в новых шапках, а у ее сына голова не покрыта, и горько заплакала.

Поднялся весь аул – и старики, и дети, и женщины. Пошли к тому месту, где лиса лежала. Навалятся, тянут, а перевернуть не могут. Тогда мать завернула малютку в пеленки и сама пришла. Перекинула лису одной рукой на другой бок, сняла вторую половину шкуры и стала шапку шить. Да только не хватило той шкуры новорожденному – еще девять таких же кусков добавлять пришлось.

Кто же больше всех? Вол, орел, пастух или мать пастуха? Козел, лиса или новорожденный?

Запасливый муравей

Шел Муравей по дороге. Навстречу ему – мужик. Знал тот мужик язык всех птиц и зверей.

Почему у тебя такая большая голова? – спрашивает мужик.

Потому что в ней много ума.

А почему у тебя такая тонкая талия?

Потому что я мало ем.

А сколько ты съедаешь?

Одного пшеничного зерна мне хватает на год, – отвечает Муравей.

Посмотрим, хватит ли тебе на целый год одного зерна!

Посадил мужик Муравья в один из газырей своей черкески, бросил туда пшеничное зерно и заткнул газырь.

Прошел год. Мужик думать забыл о Муравье.

Минул второй год. И тут только вспомнил мужик, что надобно отпустить Муравья.

Заглянул он в газырь и видит: сидит себе Муравей, а рядом половинка пшеничного зерна лежит.

Ты говорил, что одного зерна хватает тебе на год. Уже прошло два года, а у тебя в запасе еще ползерна. Как же так? – спрашивает мужик.

Глупец, который посадил меня в газырь, может забыть обо мне, подумал я и, чтобы не помереть с голоду, разделил зер-

но на четыре части.

Куйцук и шайтан

Жил-был в Кабарде Куйцук – Маленький плешивец. Был он беден, ходил в дырявых чарыках, но никогда не унывал.

Идет однажды Куйцук с сенокоса. Несет он на плече косу, песню напевает – хорошо поработал! Навстречу ему шайтан:

Откуда и куда путь держишь?

С сенокоса иду.

Расскажи мне что-нибудь интересное!

О чем же тебе рассказать! Вот разве о том, как девять косарей одного комара убили?

Разве это трудно – убить комара? Ведь он крохотный!

Может быть, и крохотный, да только девять сторожевых собак не смогли съесть одну ногу того комара.

Значит, то были не сторожевые псы, а дворняжки!

Может, и дворняжки. Да только каждая из них, стоя на задних лапах, может поймать парящего орла.

Разозлился шайтан, видит, что не переспорить ему Куйцука.

Значит, то не орлы, а воробьи!

Может быть, и воробьи, да только крыло каждого из них накроет сразу десять домов.

Совсем разозлился шайтан:

Скажи, Куйцук, что те дома совсем крошечные!

Может быть, и крошечные, да только я сам видел, что в

каждом доме живет по двадцать великанов, – сказал Куйцук и засмеялся.

Шайтан даже задрожал от злости:

Значит, то были не великаны, а карлики!

Должно быть, карлики, но каждый из них съедал на завтрак огромного вола и выпивал колодец воды.

Да колодец тот, должно быть, мальчишки палочкой вырыли! Я сам видел, как колодцы роют, – сказал шайтан, сверкая глазами.

Если и вправду сам видел, значит, не глубокий. Но я знаю, что, если в тот колодец утром опустить ведро, всплеск воды услышишь только на следующее утро, – отвечает Куйцук, а сам смеется.

Наверно, мало ты успел сена накосить. День-то был короткий. Поздно рассвело да рано стемнело, – сказал шайтан, а сам от злости чуть не лопнет.

Много было работы. Я и не заметил, короткий был день или длинный. Знаю только, что утром пастух угнал в горы телят, а вечером пригнал стадо огромных быков, – расхохотался Куйцук.

Представляю, что это были за быки! – сказал шайтан. – Их и в арбу, наверное, нельзя было впрягать.

Не стану спорить. Пожалуй, слабосильные были те быки. Каждый из них мог тащить столько, сколько и восемь наших волов не дотащат, – ответил веселый Куйцук.

Не пойму я, и что ты все веселишься? Бешмет у тебя весь

в заплатках и чарыки дырявые! – выпалил шайтан и даже ногами затопал от злости.

Зато иду я, куда хочу, и говорю все, что хочу! – еще громче рассмеялся Куйцук.

Нечего было возразить шайтану. Посинел он со злости и лопнул.

Кто нужнее?

Заспорили однажды между собой части человеческого тела: кто из них главный. Спорят – не хотят друг другу уступить. Руки хвалятся силой, ноги – быстротой, уши – чуткостью, а голова говорит, что она всему голова.

До того они повздорили, что перестали между собой, как прежде, советоваться и начали жить каждый по своему разумению. Однако ничего не вышло из этого и пришлось им держать совет, как быть дальше.

Первыми глаза стали говорить:

Разве не мы, братья, нужнее всего человеку? Ведь без нас он белого света не видел бы, не узнал бы его красоты и совершенства, а значит, не знал бы и счастья. Только глаза открывают перед людьми солнечный свет и глубину звездной ночи! Недаром говорят старые люди: «Лучше жизни лишиться, чем лишиться глаз». Не видать света – все равно что лежать в черной земле. О братья! Без нас – слепой человек, ходил бы он по миру с поводырем и деревянной клюкою, шага сам ступить не умея. А разве не через нас смотрят люди на своих любимых нежно и ласково? А на врагов – сурово и гневно? А разве не красивы мы сами, когда взгляд наш заблестит чистой слезою или загорится нежданною радостью? Разве не любят девушки черноглазых джигитов, а парни – девичьих глаз, похожих на бирюзовое небо? Нет, братья, мы – нужнее

всего человеку, мы – главные! Нам вы должны подчиниться!

Хватит, довольно вы здесь говорили и тарасились! – с шумом поднялись уши со своего места. – Братья! Было ли на свете что-либо такое, чего бы мы не услышали? Все мы умеем подслушать для человека – самую сокровенную тайну узнать, подсказать, ругают его или хвалят. А если кто задумал убить лихого джигита, сумеем предупредить его вовремя. Разве не объяснялись бы люди нелепыми жестами, когда б не было нас, их верных и чутких помощников? Мы, братья, нужнее всего человеку, мы – главные, и нас должны слушаться все остальные!

Мы видим одну только правду, – закричали глаза, – а половина того, что вы слышите, – ложь! Уши вечно слушают то, что не нужно, а то, что надо, в одно из них влетает, в другое выскакивает.

Не выдержал рот и тоже вмешался в спор:

Как прожил бы человек на свете без языка? Разве есть что-нибудь в мире сильнее и могучее слова? Хорошее слово согреет в горести, плохое лишит сна и радости, и нет на земле горше муки, чем онеметь от рождения. Недаром говорят старые люди: «Заживет рана от острой сабли, но рана, нанесенная словом, не заживает». Нет, не прожить человеку без языка, не прожить ему и без песни!

Довольно болтать, довольно кормить нас пустыми словами, – блеснули глаза и заговорили, перебивая друг друга: – Кто больше тебя, лживый язык, говорит о том, чего не знает,

болтает без умолку, когда нужно молчать и смотреть. Немало людей погибло по вине длинного языка, льстивого сплетника и обманщика! Недаром говорят старые люди: «Утром один сказал – к вечеру узнает сотня!»

И тут поднялись руки.

О братья, – сказали они, – разве не нами созданы все богатства земли, разве не служим мы человеку верой и правдою? Чего только не сделают наши быстрые, ловкие пальцы! Если кто из вас заболит, не пальцы ли утешают вас мягким прикосновением! О братья! Мы кормим человека, мы его одеваем, мы создаем все видимые и слышимые блага земные! Никто и дня не проживет без нас! Мы нужнее всего человеку!

Сказали так руки и опустились.

Перестаньте спорить, о братья! – затоптались на месте ноги. – Не забудьте, что нам приходится тяжелее всех: мы носим человека, ведем его, куда пожелает. Бродим мы по коленам в холодном снегу и воде, больше всех замерзаем в морозы и меньше всех нам дают отдыхать. Мы нужнее всего человеку, мы – главные, и все должны слушаться нас!

И тогда поднялась голова, которая до сих пор молчала в раздумье.

Каждый из вас, братья, говорил правду и... ошибался. Все мы трудимся для человека и все мы нужны ему, но головы никто не заменит. Недаром говорят старые люди: «Дурная голова не дает бедным ногам покоя». Если голова плохо со-

ображает – беда. Сказано ведь: «Прежде чем говорить, подумай; осмотришь, прежде чем сесть». На мне и лежит забота тяжелая, труд непомерный: обо всем думать, за всех беспокоиться, – куда ногам идти и что рукам делать, куда глазам смотреть, что замечать, а чего и не видеть, что ушам слышать, а что пропускать мимо. И языку говорить я приказываю. Так и идет поговорка в народе: «Язык языку ответ дает, а голова смекает». Так вот, братья, я – старшая среди вас. Потому и головой назвали, что главная. Мне вы все должны подчиниться, – сказала так голова и скромно села на свое место.

Все сидели и молчали. Наверное, согласились бы с головой, но тут встрепенулся клевавший до сих пор носом, отягощенный утренним завтраком, сонный живот:

– Не дело вы все говорите. Я – самый главный для человека. Ноги думают, что носят меня, а того не поймут, что, если я буду голоден и не напитаю их силою, не ступить им ни единого шага. И руки благодаря мне не теряют сил и тоже работают с пользой. Не будь меня, уши не слышали бы, глаза не глядели. Да и ты, голова, хоть и выше всех забралась, а без меня думать не сможешь. Никто из вас без меня самой малой малости не в состоянии сделать.

Неправда! – все закричали. – Лжет толстый живот. Обжора он и лентяй.

Если б мы не кормили, помер бы с голоду, – сказали руки. Опять живот ерунду мелет, – удивилась голова.

Все рассердились: ноги затопали, руки замахали кулаками, глаза сердито сощурились, уши притворились глухими. Голова молчала, обиженная, а язык рассердился и болтал без умолку о том, что некоторые совсем стыд потеряли и хотят быть главными, не имея на то никакого права.

Хорошо же, – сказал живот. – Увидим, кто из нас прав.

Так и разошлись они, не договорившись. Каждый считал себя главным и никого не хотел слушать. Никто ничего не делал: глаза заснули и закрылись, руки перестали работать, ноги остановились и даже язык замолчал.

И живот подтянуло. Тощий он стал, однако есть и пить не просил: обиделся, что не признали старшим.

Немало времени так прошло. И тогда умнее всех голова оказалась. Подумала она, собрав последние силы, и решила, что так дальше продолжаться не может.

Очнитесь, братья, – сказала она. – Не будем спорить, кто старше из нас, кто важнее! Лучше и легче будет нам жить в согласии, больше пользы мы так принесем человеку. Пусть каждый делает то, что только один он умеет. В нашем согласии и доброй дружбе могущество человека.

Согласились все.

Подумала еще голова и придумала для живота новое вкусное блюдо. Ноги пошли, куда голова приказала, глаза увидели, уши слышали, руки принесли, приготовили и в рот положили. Живот насытился – и всем хорошо стало.

С тех пор в мире и дружбе они живут – голова, глаза, уши,

ноги, руки, живот и язык. Трудятся и отдыхают вместе. И помогают друг другу, чем могут. И человеку от этого легче.

Тембот, благородный джигит

I

В кабардинском ауле, в давнее время стоявшем на берегу бурной реки Баксан, жил князь Астемир, большой любитель охоты.

В лесах он гонялся за быстроногими оленями, а в степях травил борзыми волков и лисиц. Больше всего любил он соколиную охоту, но не было у него такого сокола, который побивал бы не только диких уток или гусей, но и лебедя. Долго искал он такого сокола, но не мог найти. И вот однажды весной приятель его, кунак из Чечни, привез ему горного сокола.

Птица была совсем дика, и князь поручил молодому охотнику Темботу обучить ее для осенней охоты.

Принялся Тембот за дело. Сначала держал сокола в темной сакле, потом приучил его прилетать на свист, садиться хозяину на плечо, потом на руки, а осенью уже пускал его на птицу.

И вскоре удивительный боец вышел из сокола. Еще издали, завидя дичь, он взвивался высоко-высоко, а потом стрелой несся вниз и обрушивался на нее с такой силой, что птица тут же падала на землю. И вот князь назначил день испы-

тания сокола. Страшно было Темботу: вдруг сокол не справится с лебедем – не жди пощады от князя! Но зато, если сокол побьет не одного, а нескольких лебедей, князь на радостях наградит Тембота, – может быть, даже подарит коня из своего табуна.

Накануне испытания весь день до самого вечера думал Тембот об этом, а ночью приснился ему сон, будто пришел к нему седой старик и посоветовал попросить у князя трехдневного жеребенка. А такой жеребенок действительно был в княжеском табуне, и был он совсем неказистый на вид.

На другой день с утра началась охота. Крепостные князя спугнули со степного болота старого лебедя. Рванулся вверх сокол, взвился так высоко, что почти точкой стал казаться, и вдруг камнем упал на лебедя, от которого полетели по воздуху пух и перья. Перевернулся лебедь в воздухе и упал на землю.

Окружили князя его приближенные, поздравляя его с удачной охотой и всячески расхваливая сокола, а князь воскликнул, обращаясь к Темботу:

– Ты заслужил награду! Проси у меня все, что хочешь!

Тембот попросил трехдневного жеребенка.

Рассмеялся князь:

Помилуй – сказал он, – на что тебе плохой жеребенок? Я разрешаю тебе выбрать лучшего скакуна в табуне!

Чуть было не послушался Тембот князя, но лотом вспомнил свой сон и снова попросил жеребенка.

Пожал князь плечами.

Ну что же, – сказал, он, – бери, что тебе нравится...

Привел Тембот жеребенка домой, стал ухаживать за ним.

Прошло полгода – поправился жеребенок: за необыкновенное проворство и резвость Тембот назвал его Каширгой, – значит, коршуном.

Еще три года прошло, и добрый конь вышел из Каширги: стройный, на тонких и крепких ногах, с узкой мордой, с тонкими трепещущими ноздрями, с длинной и густой гривой и хвостом.

Однажды рано утром Тембот впервые сел на Каширгу, поскакал в степь и носился по ней, как ветер на воле. Выскочил заяц из кустов и пустился наутек.

Постой, зайчик! – крикнул ему Тембот и помчался вслед. Понесся, полетел Каширга, перегнал зайца, оставил его далеко позади.

Радости Тембота не было конца, потому что такого коня ни за какие деньги нельзя было сыскать во всей Кабарде.

Потом пришел день, когда Каширга быстротой своих ног удивил и князя Астемира, и всех жителей аула.

Наступил праздник, и князь, по обычаю дедов, устроил для народа скачки, на которых должны были состязаться лучшие скакуны из княжеского табуна.

Вывели скакунов и приближенные князя, а Тембот на своем Каширге стал в стороне и, чтобы никто не узнал его, надел на лицо холщовую маску: в старину в Кабарде во время

скачек так часто делали.

Окруженный своими приближенными князь с высокого кургана подал рукой знак наездникам, которые заранее выстроились в длинный ряд, и поскакали они наперегонки к одиноко стоящему далеко в степи дереву. Сначала все кони бежали вместе, потом мало-помалу некоторые из них стали отставать, и скоро отставших набралось много – длинной цепочкой растянулись они по степи. Видно было только, как поднимались и опускались плети наездников. А впереди одиноко неся красивый княжеский скакун.

Тронул Тембот Каширгу – и помчался конь, как птица, мелькнул и уже был около дерева и сейчас же обратно вихрем пролетел мимо кургана и стал в стороне.

Многоголосый крик вырвался из толпы на кургане.

Кто это? – громко спросил князь Астемир, но никто не мог ответить – ведь никто не знал всадника в маске.

Несколько джигитов поскакали к нему, а он, подпустив их совсем близко, вдруг ускакал далеко в степь. Тщетно они гонялись за ним. Измучив вконец и своих коней, и себя, стали они громко браниться. А Тембот сбросил маску, взлетел на курган и прыгнул с коня перед князем.

Глянул князь на Каширгу, на его тонкие, как у оленя, ноздри, на трепещущие ноздри, и черная зависть охватила его сердце.

Если бы не было вокруг народа, он силой отнял бы у Тембота коня, а теперь он только нахмурился и строго спросил:

Где ты, охотник, украл такого прекрасного коня?

От обиды сердце у Тембота дрогнуло.

Князь, – громко сказал он, – никогда я вором не был, а конь – тот самый жеребенок, которого три года тому назад ты подарил мне.

Не может быть этого! – вскричал князь. – Ты лжешь!

Но стоявшие тут же джигиты подтвердили, что Тембот сказал правду.

А князь точно и не слышал, с Каширги глаз не спускал.

Продай коня, – с усилием выговорил он, не глядя на Тембота.

Чуть заметно усмехнулся Тембот и отвечал:

Князь, пока я жив, ни за какие блага в мире не расстанусь с конем!

Тучей нахмурился князь. Ничего не сказал он Темботу, но решил известить его, и завладеть чудесным конем.

Вскоре представился такой случай. Соседний князь прислал вестника, предложил померяться силой. А раньше на Кавказе был обычай: два войска не вступали в борьбу, а выставляли по богатырю. Чей богатырь победит, того и победа. Так и на этот раз предложил поступить соседний князь:

Не станем проливать кровь народа, а решим битву поединком двух богатырей: если победит наш богатырь, вы заплатите нам дань, а если победа останется за вами, мы покинем Кабарду.

Стали думать, кого выставить против чужого богатыря,

который был так силен, что ударом кулака ломал ребра буйволу, а шашкой с одного взмаха перерубал всадника вместе с конем.

И у кабардинцев был силач Хапаго – громадного роста, грозный на вид, но совсем не умный человек. Недаром говорят:

Герой молчит,
Пока врагов не видно,
А трус кричит,
Пока врагов не видно.

Еще не видя соседнего богатыря, которого звали Курган-хан, он хвастливо воскликнул:

Я задушу его.

А накануне поединка, наслушавшись рассказов о необыкновенной силе Курган-хана, Хапаго стал молчаливым, потом начал жаловаться, что у него болит живот, голова болит, руки, ноги – весь заболел! Всю ночь он простонал, а утром, катаясь по земле и хватаясь за живот, выл, как прибитая собака.

Князья не знали, кем заменить Хапаго.

Тем временем Курган-хан уже показался на своем великолепном коне-аргамеке и закричал:

Эй, что там замешкались? Где ваш богатырь?

А Хапаго выл сильнее прежнего, и всем стало ясно, что не был он болен, а испугался Курган-хана.

Ха-ха-ха! – грохотал Курган-хан, точно буйвол ревел. – В зайца хваленый богатырь превратился, и князя с борзыми в степи его ищут!

Тембот находился в первых рядах войск и, слыша насмешки Курган-хана, побледнел от обиды. Не помня себя, он сильно ударил своего коня, рванулся Каширга, пролетел мимо Курган-хана, и Тембот изо всей силы вытянул насмешника плетью по спине.

Разъярился богатырь, выхватил шашку и устремился на Тембота, но тот успел увернуться от удара и снова хлестнуть его плетью.

Взвыл в гневе Курган-хан, ударил аргамака и с высоко поднятой шашкой опять помчался к Темботу, собираясь обрушить на него свой страшный удар, но Тембот плетью сбил с него шапку и ускакал.

Тишина стояла в обоих лагерях. Соседний князь, сидевший на подушках, поднялся на ноги и с тревогой следил за своим богатырем.

Трусливый Хапаго перестал выть, хотел было протискаться вперед, чтобы взглянуть на поединок, но воины плетями прогнали его, и, согнувшись, он убежал в степь.

Поединок, между тем, был в полном разгаре.

Курган-хан осадил аргамака, поспешно сбросил с себя верхнюю одежду, вскрикнул громко и, потрясая шашкой, погнался за Темботом.

Круто повернул Тембот коня и с обнаженной шашкой

понесся навстречу врагу. Пролетел, промелькнул Каширга, шашка Тембота молнией сверкнула в воздухе, и Курган-хан был сражен.

Так бедный крестьянин Тембот победил богатыря, слава о силе которого шла по всему Кавказу.

II

В Кабарде устраивались народные праздники по случаю победы Тембота – самого отважного джигита.

Но многие князья завидовали его мужеству и удали, а еще больше хотели завладеть его конем.

Князь же Астемир только и думал о том, как бы заполучить Каширгу. Однажды призвал он к себе Тембота.

Ты должен уступить мне коня, – сказал он.

Я уже говорил, что, пока жив, не расстанусь с конем.

Нахмурился Астемир.

Хорошо, – угрюмо промолвил он. – Иди, я подожду твоей смерти.

И пошел Тембот домой, в свою бедную саклю, и печаль была в душе его.

Он знал, что князь не остановится даже перед убийством, чтобы завладеть Каширгой. Открытых врагов Тембот не боялся, но как бороться с убийцей из-за угла?

И думал он о том, как выйти из этой беды.

Бежать из аула стыдно, а остаться, значит, обречь себя на

верную гибель, – говорил он себе. – Но, посмотрим, что будет дальше.

А ночью во сне явился к нему прежний старец и сказал: Садись на коня, уезжай в горы и там узнаешь, что делать.

Проснувшись, джигит направился в горы. На рассвете он приехал в скалистое дикое место и увидел там старца.

Спрыгнул Тембот с коня, низко поклонился мудрецу.

Явился я по твоему зову, – сказал он.

Сын мой, – сказал старец, – я ждал тебя со дня твоего рождения.

Удивился Тембот, как мог ждать его старец, если не знал его.

Старик понял его мысли и сказал:

Не удивляйся, сын мой, ибо то, что скрыто от других, давно известно мне. Слушай, что я скажу тебе...

Я слушаю, – отвечал Тембот.

И начал старец:

В давно прошедшее время жил на земле юноша Амир. Был он светел лицом, душою отважен и первым принес людям огонь. Люди зажгли костры, очаги свои и сакли стали устраивать, а до того времени жили они, как звери, в лесах.

Но дух злобы и тьмы разве любил когда-нибудь добро? И возненавидел он светлого юношу. Обманом увлек он его на вершину Эльбруса и там в расселине скалы, за руки приковал толстой железной цепью, а караулить его оставил Симурга, страшного царя птиц, у которого голова человека, крылья

орла и на ногах когти медведя. Грозен Симург, сын мой: когда он взмахивает крыльями, волнуется море, и от стога его вяннут в долине цветы. Зорко сторожит он Амира, и несчастный юноша бьется в тоске по солнцу. Но скоро придет конец мучениям Амира явился джигит, который освободит его от оков, юноша спустится на землю, и люди забудут вражду и назовут друг друга братьями.

Кто же этот джигит? – спросил Тембот старца.

Этот джигит – ты, сын мой! – отвечал мудрец. – Ты должен победить Симурга и вернуть людям Амира.

Великая радость наполнила сердце Тембота, и он воскликнул:

Отец, я готов отдать жизнь свою за отважного юношу:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.